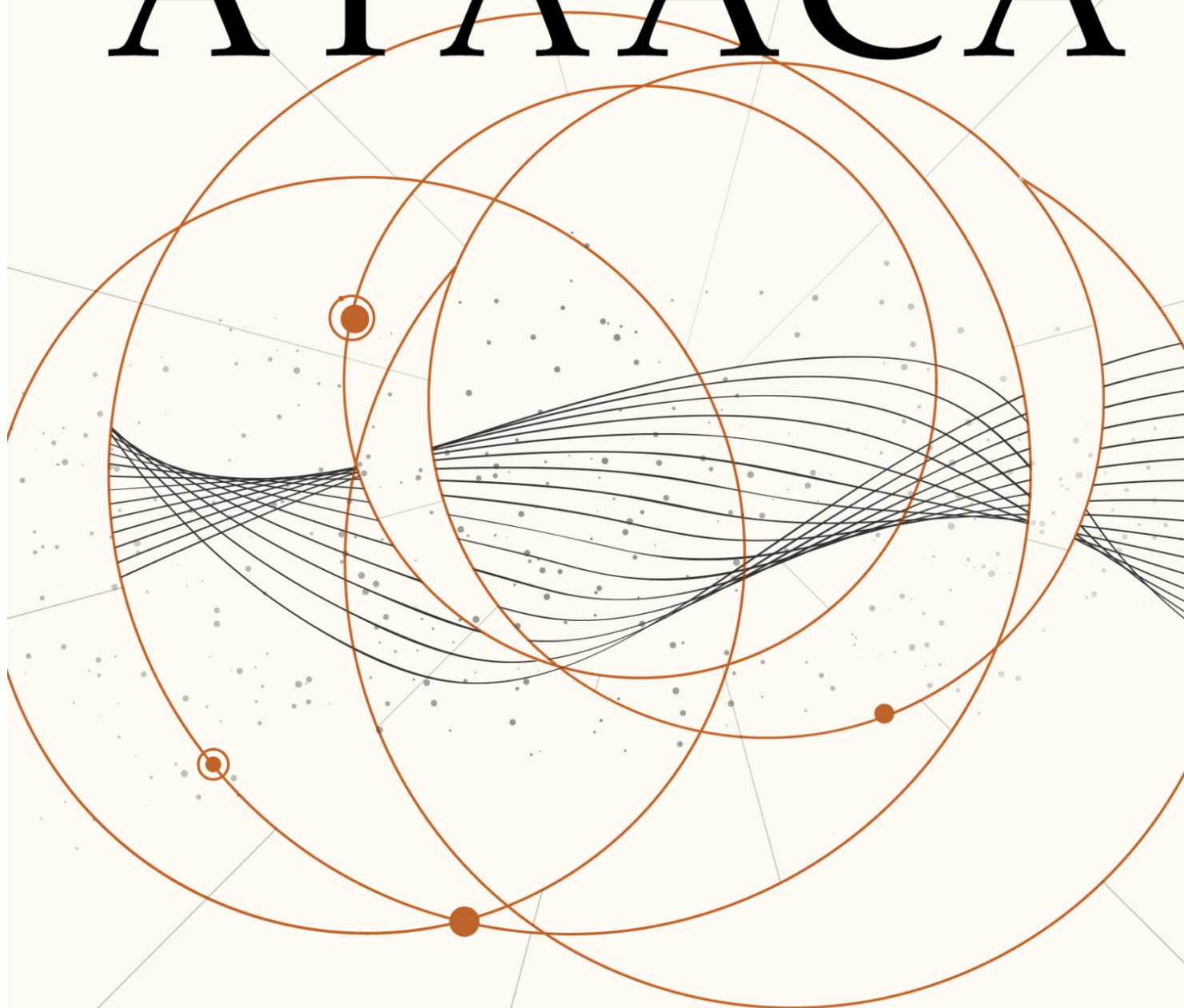

СУДЬБУ МОЖНО ВЫБРАТЬ

18+

ПАРАДОКС АТЛАСА

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШУМЕВШЕГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ШЕСТЕРКА АТЛАСА»

ОЛИВИ БЛЕЙК

Бестселлеры Оливи Блейк. Шестерка Атласа

Оливи Блейк
Парадокс Атласа

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

Блейк О.

Парадокс Атласа / О. Блейк — «Издательство АСТ»,
2022 — (Бестселлеры Оливи Блейк. Шестерка Атласа)

ISBN 978-5-17-147048-7

«ПАРАДОКС АТЛАСА» – ДОЛГОЖДАННЫЙ СИКВЕЛ БЕСТСЕЛЛЕРА NEW YORK TIMES ОТ ОЛИВИ БЛЕЙК, СЕНСАЦИОННОГО РОМАНА В ДУХЕ ТЕМНОЙ АКАДЕМИИ «ШЕСТЕРКА АТЛАСА». ШЕСТЕРО МАГОВ ПОЛУЧИЛИ ШАНС, КОТОРЫЙ ДАЕТСЯ РАЗ В ЖИЗНИ. ПЯТЕРО СТАЛИ НОВЫМИ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА. ПЕРЕД НИМИ ЛЕЖИТ ДВА ПУТИ. КАЖДОМУ НАДО ВЫБРАТЬ, НА ЧЬЕЙ ОН СТОРОНЕ. Союзы пройдут испытание на прочность, сердца будут разбиты, и наконец вскроется истинная суть Александрийцев: это тайное общество, обладающее чистой силой, способной влиять на мир, и возглавляемое тем, чьи планы изменить саму жизнь уже исполняются.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-147048-7

© Блейк О., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Оливи Блейк	5
Главные действующие лица	6
Дополнительная информация	8
Учебный курс по стипендии Александрийского общества	9
Начало	10
I	15
Либби	15
Эзра	16
II	17
Рэйна. Вчера	17
Тристан	26
Париса	31
Каллум	38
III	44
Нико	44
Рэйна	52
Тристан	59
Париса	66
Либби	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Оливи Блейк Парадокс Атласа

© Оформление. ООО "Издательство АСТ", 2023

Copyright © 2022 by Olivie Blake

Copyright © 2022 by Alexene Farol Follmuth

Interior illustrations and endpaper art by Little Chmura

© Абдуллин Н., перевод на русский язык

* * *

*Посвящается Генри Атласу,
моему талисману*

Главные действующие лица

КЕЙН, ТРИСТАН

Тристан Кейн – сын Эдриана Кейна, главаря магического преступного синдиката. Тристана бы возмутило, что знакомство с ним начинается с упоминания отца, но его вообще многое возмущает. Родился в Лондоне, получил образование в Лондонской школе магии. Прежде работал венчурным инвестором в корпорации «Уэссекс» и был помолвлен с Иден Уэссекс. Обучался на иллюзиониста, хотя его подлинная специальность неизвестна. При этом среди его талантов числится способность видеть сквозь иллюзии (также: квантовая теория; время; иллюзии – видеть сквозь иллюзии; компоненты – магические компоненты). По условиям элиминации Александрийского общества на Тристана возложили задачу убить Каллума Нова, но – предположительно из-за моральных убеждений – задачу он не выполнил.

ФЕРРЕР ДЕ ВАРОНА, НИКОЛАС (также ДЕ ВАРОНА, НИКОЛАС или ДЕ ВАРОНА, НИКО)

Николас Феррер де Варона, больше известный как Нико, родился на Кубе, в Гаване. В раннем возрасте его отправили в Соединенные Штаты, где он окончил престижный Нью-Йоркский университет магических искусств. Нико – необычайно одаренный физик, чьи способности, однако, выходят за рамки специальности (также: тектоника плит; сейсмология – тектоника; оборотничество – человек-зверь; алхимия; вытяжки – алхимические). Нико близко дружит с двумя другими выпускниками НУМИ, Гидеоном Дрейком и Максимилианом Вулфом, а также, несмотря на давнюю вражду, заключил союз с Элизабет Либби Роудс. И хотя Нико чрезвычайно искусен в рукопашном бою, союзника он в конце концов потерял.

КАМАЛИ, ПАРИСА

О детстве и юности, как и об истинной личности Парисы Камали известно мало, разве что по слухам (также: красота, проклятье – Каллум Нова). Париса родилась в Иране, в Тегеране, и посещала Парижскую школу магии. Она невероятно искусный телепат, имеет несколько известных сообщников (Тристан Кейн; Либби Роудс) и занимается экспериментами в разных областях (время – ментальная хронометрия; подсознание – сны; Далтон Эллери). Доверять ей опасно, но подобные предупреждения бесполезны.

МОРИ, РЭЙНА

Еще меньше, чем о Парисе Камали, известно о Рэйне Мори. Если бы они соревновались в скрытности, Рэйна победила бы. Появилась на свет в Японии, в Токио, и с рождения обладала потрясающим даром натуралиста, однако поступила в Институт магии в Осаке, где изучала классическую литературу с упором на мифологию. Только Рэйну земля одаривает плодами, и только с ней природа говорит. Впрочем, стоит отметить, что, по мнению самой Рэйны, ее талант состоит в другом (также: усиление – энергия; боевые навыки – Нико де Варона).

НОВА, КАЛЛУМ

Каллум Нова из южноафриканского медиаконгломерата семьи Нова, манипулятор, чьи способности выходят за рамки физических. Говоря языком обывателя, он эмпат. Родился в ЮАР, в Кейптауне, без усилий окончил Греческий университет магических искусств, а после присоединился к семейному бизнесу, занявшись прибыльной продажей товаров и иллюзий для красоты. В мире лишь один человек знает, как на самом деле выглядит Каллум, да и тот, к несчастью для Каллума, желал его смерти. К несчастью же для Тристана, это желание оказалось недостаточно сильным (также: предательство, путь без возврата).

РОУДС, ЭЛИЗАБЕТ (ТАКЖЕ РОУДС, ЛИББИ)

Элизабет «Либби Роудс» – одаренный физик. Родилась в Питсбурге, в штате Пенсильвания, в раннем возрасте пережила смерть старшей сестры Кэтрин. Обучалась в Нью-Йоркском университете магических искусств, где встретила соперника, ставшего потом союзником, Нико

де Варону, и будущего бойфренда, с которым позже разошлась, Эзру Фаулера. В стенах Общества провела несколько ярких экспериментов (также: время – четвертое измерение; квантовая теория – время; Тристан Кейн), оказалась в затруднительном с точки зрения морали положении (Париса Камали; Тристан Кейн), а после исчезла. Поначалу оставшиеся члены ее класса решили, что она погибла. Где сейчас Либби Роудс, неизвестно (см. также: Эзра Фаулер).

Дополнительная информация

АЛЕКСАНДРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Архивы – утраченное знание

Библиотека (также: Александрия; Вавилон; Карфаген; древние библиотеки – исламские; древние библиотеки – азиатские)

Ритуалы – инициация (также: магия – жертвоприношение; магия – смерть)

БЛЭЙКЛИ, АТЛАС

Александрийское общество (также: Александрийское общество – посвященные; Александрийское общество – Хранители)

Ранний возраст – Лондон, Англия

Телепатия

ДРЕЙК, ГИДЕОН

Способности – неизвестны (также: человеческий разум – подсознание)

Нелюдь – подвид (также: таксономия – нелюди; вид – неизвестен)

Преступные сообщники (также: Эйлиф)

Ранний возраст – остров Кейп-Бретон, Новая Шотландия, Канада

Образование – Нью-Йоркский университет магических искусств

Специальность – странник (также: царство снов – навигация)

ЭЙЛИФ

Союзники – неизвестны

Дети (см. также: Гидеон Дрейк)

Нелюдь – водяные (также: таксономия – нелюдь; водяные – русалка)

ЭЛЛЕРИ, ДАЛТОН

Александрийское общество (также: Александрийское общество – посвященные; Александрийское общество – исследователи)

Анимация

Сообщники (также: Париса Камали)

ФАУЛЕР, ЭЗРА

Способности (также: странник – четвертое измерение; физик – кванты)

Александрийское общество (также: Александрийское общество – не прошедшие посвящения; Александрийское общество – элиминация)

Ранний возраст – Лос-Анджелес, Калифорния

Образование – Нью-Йоркский университет магических искусств

Сообщники (также: Атлас Блэйкли)

Предыдущее место работы (см. также: Нью-Йоркский университет магических искусств – студенческий советник)

Личные отношения (также: Либби Роудс)

Специальность – странник (также: время)

ПРИНЦ

Анимация – обычная

Личность (также: личность – неизвестна)

Сообщники (также: Эзра Фаулер, Эйлиф)

Учебный курс по стипендии Александрийского общества

ГОД ПЕРВЫЙ

Задачи:

Кандидаты на членство в Александрийском обществе обязаны провести собственное оригинальное исследование и занести его результаты в архивы знаний. Также кандидаты обязуются защищать и беречь архивы в течение всего срока проживания здесь, вплоть до удовлетворительного выполнения условий инициации.

Содержание курса:

Пространство

Время

Мысль

Намерение

Подробности обучения оглашаются постепенно, вплоть до самого посвящения.

Срок обучения первого года, а также выполнение требований для посвящения ограничены 1 июня.

ГОД ВТОРОЙ

Каждый посвященный добавит в архив собственный большой труд, тему которого определяет сам.

Тема самостоятельного проекта:* отмечены минимальные требования

Тема исследования*: _____

Цели: _____

Методология (все соответствующие заявленной теме текстов):

Расписание:

Завершение проекта: обозначьте временные рамки сбора, рассмотрения и/или анализа требуемой литературы. Работу сдать не позднее 1 июня.

Подпись посвященного:

Одобрил:

Атлас Блэйкли

Начало

Гидеон Дрейк заслонил глаза ладонью от света раскаленного красного солнца и оглядел обожженные дочерна холмы. В дрожащем воздухе клубились облака мелкого пепла. Повсюду носились хрупкие невесомые хлопья. Вокруг висел густой и плотный дым, а в горло набивалась сажа. Будь этот пейзаж реален, Гидеон задохнулся бы.

Однако ему ничто не грозило.

Он опустил задумчивый взгляд на черного лабрадора, а затем снова осмотрелся, прикрыл горловиной футболки нижнюю половину лица и пробормотал:

– Как любопытно.

Время от времени в царстве снов происходили такие пожары. Гидеон называл их «эрозии-ями», хотя наверняка где-то какой-нибудь его сородич уже придумал данному явлению верное название. Это происходило довольно часто, хоть и не всегда так... масштабно.

Если бы у Гидеона была своя жизненная философия, он сформулировал бы ее так: нет смысла отчаиваться.

Гидеон Дрейк не различал, что реально, а что – нет. Ему самому пожары служили четким напоминанием о давно усвоенной истине: если ищешь гибели, найдешь ее везде, – хотя другие могли бы увидеть в этом нечто совершенно иное.

– Ну что ж, идем, Макс, – сказал он собаке и по совместительству соседу. Макс принялся и протестующе заскулил, однако последовал за Гидеоном на запад. Оба знали, что сны – это территория Гидеона, и направление в конце концов определять ему.

С магической точки зрения сны относились к коллективному подсознанию. И хотя доступ в различные уголки этого царства был у каждого человека, мало кто умел странствовать из одной области в другую.

Требовался набор определенных навыков, чтобы видеть, где заканчивается твое сознание и начинается чужое, а чутье Гидеона – который ориентировался в переменчивой структуре снов, как моряки ориентируются в морских течениях, – обострилось еще сильнее теперь, когда он почти не покидал мира грез.

Для окружающих Гидеон оставался вполне обыкновенным человеком с нарколепсией. Его магия была не самой понятной. Для Гидеона граница между сознанием и подсознанием оставалась довольно тонкой: странствуя, он не терял чувства времени и пространства, но его способность перемещаться во сне иногда мешала ему завершить завтрак в вертикальном положении. Иногда даже казалось, что его истинная среда обитания – мир снов, а не реальность.

При всех недостатках такое «расстройство» позволяло Гидеону обходить некоторые ограничения, с которыми сталкивались обычные люди. Например, если обычный человек летал во сне, то все равно осознавал, что наяву летать не умеет. Гидеон же просто умел летать – и точка. Он ведь не всегда понимал, во сне это или наяву.

Технически во сне Гидеон был не сильнее простого человека. Телесного вреда он мог причинить столько же, сколько телепат – своей магией. Но и никакие сотворенные во сне чары не наносили ему непоправимого ущерба; разве что его физическую оболочку хватил бы апоплексический удар или еще какой-нибудь приступ. Больно ему бывало, как и любому сновидцу, но с пробуждением неприятные ощущения испарялись. Единственное, стресс мог спровоцировать вышеупомянутую физическую реакцию, и тогда... Однако подобные вещи Гидеона не занимали. Они тревожили только Нико.

При мысли о Нико Гидеон испытывал чувство неполноценности, как если бы вышел из дома в одном ботинке, потому что второй куда-то запропастился. Весь последний год он с переменным успехом учился не замечать отсутствия их с Максом привычного спутника. Сначала получалось не очень: мысли о Нико возникали неожиданно, прерывая ход предыдущего

размышления, а вместе с ним и путь по намеченному маршруту. И выходило, что вслед за мыслями к Нико переносился сам Гидеон.

В итоге знакомство с Нико де Вароной имело один недостаток, сродни каре небесной: его трудно было забыть, и разлука с ним давалась ой как непросто. Ты будто лишался конечности и становился неполным, нецелым. Хотя фантомные боли и бывали порой очень полезны.

Гидеон позволил себе ощутить то, что в иных обстоятельствах чувствовать запрещал, и пространство снов, к его облегчению, стало послушно меняться. Кошмар плавно уступил место атмосфере личных сновидений Гидеона, и тот пошел путем, который давался проще остальных, – своим собственным.

Мысленно Гидеон вместе с Максом понесли сквозь пространство и время, оставляя позади дым и пепелище в пустыне. Повеяло приготовленным в микроволновке попкорном и сильным моющим средством из прачечной, самыми яркими запахами общаги в НУМИ.

А вместе с ними явился и паренек, которого Гидеон когда-то знал.

– Я Нико. – Взгляд дикий, волосы на голове взъерошены, а рубашка, натянутая лямкой рюкзака, задралась с одного бока. – Ты Гидеон? Выглядишь усталым, – добавил Нико, немного подумав. Он спрятал рюкзак под кровать и оглядел комнату. – Знаешь, если поставить их друг на друга, места будет куда больше.

У Гидеона не получалось определить, воспоминание это или сон.

В это время Нико – сам того, похоже, не ведая, – что-то такое сотворил с давлением в комнате, и Гидеон, испытав слабый приступ клаустрофобии, с трудом проговорил:

– Вряд ли нам можно переставлять мебель. Может, разрешения спросим?

– Спросить-то можно, только это сильно снизит наши шансы получить желаемый результат. – Он взглянул на Гидеона. – Что у тебя, кстати, за акцент? Французский?

– Можно и так сказать. Акадский ¹.

– Квебекский?

– Теплее.

Улыбка Нико стала шире.

– Вот и славненько, – сказал он. – Давно хотел расширить языковой арсенал. Слишком много думаю на английском, хочется чего-то нового. Я всегда говорю: не ограничивайся дихотомией. К слову, ты сверху или снизу? – спросил он, и Гидеон недоуменно моргнул.

– Решай сам, – нерешительно ответил он, и Нико взмахом руки совершил перестановку. Вышло настолько естественно, что Гидеон уже и не мог вспомнить, как мебель в комнате стояла изначально.

В реальной жизни Гидеон быстро усвоил, что Нико создает пространство там, где его просто нет, и неизбежно нарушает устоявшийся порядок вещей. Администрация НУМИ посчитала, что, просто снабдив Гидеона ярлыком «ограниченно дееспособный», может спокойно селить его с другими людьми, но в первые же секунды общения с новым соседом Гидеон с тревогой осознал: рано или поздно Нико раскусит его подлинную природу.

– Где ты бываешь, – спросил Нико, подтверждая догадку, – когда спишь?

Шла вторая неделя учебы. Гидеон даже не заметил, что спит, но Нико резко разбудил его, спустившись с верхней койки.

– У меня нарколепсия, – с трудом проговорил он.

– Брехня.

«Нельзя ничего говорить», – испуганно напомнил себе Гидеон. Нико, конечно, не был ловцом нелюдей или пособником матери (хотя откуда Гидеону было знать?), просто рано или поздно люди начинали смотреть на Гидеона как на мерзость. Даже находили для этого осно-

¹ Диалект французского языка.

вание (а то и несколько), словно жертва, инстинктивно спешащая отгородиться от хищника. Как же Гидеон ненавидел такие вот переходы.

«Никому нельзя ничего говорить, – думал Гидеон. – Тебе – особенно».

– Ты какой-то странный, – как ни в чем не бывало продолжал Нико. – Не в плохом смысле. Просто странный. – Он скрестил на груди руки и, поразмыслив, спросил: – Что же с тобой такое?

– Говорю же: нарколепсия.

– *Menteur*, – закатив глаза, попенял ему Нико.

«Лжец?» Выходит, он и впрямь вознамерился освоить французский.

– А как по-испански будет «заткнись»? – спросила в реальной жизни предыдущая версия Гидеона, и Нико ответил улыбкой, которая, как потом выяснил Гидеон, не сулила абсолютно ничего хорошего.

– Вылезай из кровати, Сэндмен, – велел Нико, срывая с него одеяло. – Прогуляемся.

А в настоящем Макс ткнулся мордой Гидеону в колено.

– Спасибо, – сказал тот, выныривая из воспоминания. Макс поднял на Гидеона раздраженный немигающий взгляд, и комната общежития растворилась на фоне далеких пылающих холмов эрозии.

– Нико в той стороне, – сказал Гидеон, указывая на густые заросли тлеющих вечнозеленых деревьев.

Макс посмотрел на него с сомнением.

– Ладно, – со вздохом ответил Гидеон, сотворив из пустоты мячик. Бросил его в лес и приказал: – Апорт.

Мячик поскакал вперед, набирая скорость и озаряя лес мягким светом. Макс снова посмотрел на Гидеона с раздражением, но потом все же метнулся по пути, указанному чарами.

Все во сне обладали магической силой, но сдерживающим фактором служили не столько законы физики, сколько рамки в голове сновидца. Гидеон, как нелюд, которого постоянно кидало из сознания в подсознание и обратно, не выработал рефлексорной памяти на ограничения из реального мира. (Если не знаешь, где именно проходит граница между возможным и невозможным, то ее для тебя просто нет.)

Вопрос о том, обладает ли Гидеон магическим даром или же он сам – воплощенная магия, оставался открытым. Нико настаивал на справедливости первого, тогда как на уроках Гидеону с трудом давались самые заурядные чары. Он по большей части занимался теорией: как и почему магия существует. Нико был физиком и смотрел на мир как на псевдоанатомическую конструкцию, а Гидеон представлял себе мир как облако данных. В конце концов, что такое царство грез, как не хранилище общечеловеческих переживаний?

Тем временем они уже почти пришли к настоящему Нико. Деревья на окраине горящего леса поредели, уступая место пустынному пляжу. Гидеон нагнулся и провел ладонью по песку. Здесь ничто не горело, зато рука провалилась моментально по самое плечо. Макс глухо и предостерегающе зарычал.

Тогда Гидеон выпрямился и почесал ему под челюстью, чтобы успокоить.

– Может, здесь подождешь? – предложил он Макс. – Я вернусь и заберу тебя где-то через часик.

Макс тихо заскулил.

– Да, да, буду осторожен. А ты стал напоминать Нико.

Макс гавкнул.

– Ладно-ладно, беру слова назад.

Закатив глаза, Гидеон опустился на колени и снова погрузил руку в песок, на этот раз полностью, вжимаясь в него всем телом, пока наконец не провалился на ту сторону. Давление

моментально упало, и он кубарем покатился вниз по бархану, сверзившись с неба посреди бесплодной пустыни.

Наконец Гидеон остановился и принялся отплеиваться. Он успел познать на себе много неприятных даров природы и не считал себя ее любителем. Есть ли что-то хуже песка? Определенно. И все же то, как песчинки набивались в уши, скрипели на зубах и не желали вытряхиваться из выющихся волос, Гидеон находил отвратительным. Ситуация, конечно, не идеальная, но, как и прежде, это был не повод отчаиваться.

С трудом удерживая равновесие, Гидеон встал по щиколотку в песке и зорко осмотрел окружающие его дюны. Подобравшись, он готовился встретить неизвестное бедствие: всякий раз его ждало нечто новое.

В правом ухе зажужжало, и он неуклюже развернулся на месте, одновременно слепо ударив наотмашь. Насекомые Гидеона не волновали, кроме комаров. Когда зажужжало еще раз, он отмахнулся, и что-то кольнуло его в руку. На коже вздулся волдырь, а из ранки, набухая, выступала капелька крови. Гидеон присмотрелся к «укусу» и смахнул металлический экзоскелет и едва заметный след пороха.

Выходит, не насекомые.

Узнав, с чем предстоит иметь дело, Гидеон всегда испытывал облегчение. Впрочем, радость длилась недолго, ведь мало знать, кто твой противник, от него еще надо отбиться. Порой проникновение в подсознание требовало поразмыслить тактически, порой – пустить в ход кулаки, а иногда – побродить лабиринтами; время от времени Гидеона ждали комнаты с ловушками, погони и драки. Все это ему нравилось больше, ведь в целом от смерти и ее прихвостней удавалось неплохо скрываться (пока что). В иные разы от него требовалось всего лишь попотеть, поднапрячься и проявить выдержку. Во сне Гидеон – да и кто угодно – не мог умереть, а вот страданий никто не отменял. Страх и боль он чувствовал замечательно.

Порой проверку можно было пройти, всего лишь стиснув зубы и вытерпев всё до конца.

К несчастью, именно такое испытание и сулил этот сон.

Что бы ни жалilo Гидеона, вряд ли это было реальное земное оружие для человеческих войн. Било оно быстро, он не успевал уворачиваться, поэтому просто закрыл глаза и стал терпеть. Ветер хлестал словно кнутом, песок смешивался с кровью из ран, и сквозь щелочки приподнятых век Гидеон видел красные потеки на руках: яркие, тонкие, но тем не менее жуткие. Как слезы из глаз статуй мучеников и святых.

Телепат, поставивший здесь защитные чары, был на все сто садистом, в высшей степени ненормальным.

Что-то пробило шею и застряло в горле. Гидеону стало нечем дышать, и он, хрипя, зажал рану, мысленно желая поскорее регенерировать. Сны – не реальность, и раны в них получаешь не настоящие. По-настоящему в них надо только бороться, а бороться Гидеон готов. Он был готов сражаться всегда, потому что в глубине души знал: оно того стоит. Гидеон не просто поступал верно – он исполнял долг.

Ветер усиливался. Песок коркой спекся на глазах и губах, забил складки кожи. Гидеон через боль, собрав волю в кулак, издал крик – первобытный, звериный вопль, означающий, что он уступает, сдается. Он кричал и кричал, пытаясь в агонии найти некий верный, условленный способ уйти, но оставить послание. Мол, я скорее умру, чем сдамся, но ничего здесь не трону.

Я человек, и мне больно. Я просто смертный и несу вам послание.

Должно быть, это сработало. Едва горящие легкие Гидеона окончательно опустели, как песок под ним разошелся. Его шумно всосало и милосердно выплюнуло посреди пустой комнаты.

– Отлично, ты пришел, – с заметным облегчением произнес Нико, поднимаясь на ноги и подходя к прутьям разделяющей их телепатической решетки. – Кажется, мне снился пляж.

Гидеон машинально осмотрел руки, проверяя, нет ли крови и песка, осторожно вдохнул. Все было в порядке, а значит, он миновал защитные чары Александрийского общества в сто восемнадцатый раз.

Каждое новое проникновение было немного кошмарнее предыдущего. И все-таки каждый раз оно того стоило.

Нико прислонился к решетке и, как обычно, самоуверенно усмехнулся.

– Хорошо выглядишь, – иронично произнес он. – Как всегда, свеженький, выпался.

Гидеон закатил глаза.

– Да, я пришел, – ответил он, а потом сообщил главную новость: – Думаю, я вот-вот найду Либби.

ПАРАДОКС

Если вы владеете силой, нужно уметь ею пользоваться. Однако силу не измерить, у нее нет ни объема, ни веса. Она бесконечна, метафорична. Скажем, вы получили некоторую силу, которая дает вам возможность накапливать еще больше силы. А значит, теперь вы способны вместить в разы больше сил. Выходит, что, накапливая силу, вы становитесь все бессильнее.

Но если, наращивая силу, вы слабеете, в чем суть парадокса? В вас или в ней?

I

Ошеломление

Либби

Едва Эзра ушел, как она поняла сразу две вещи.

Первое – это то, что в этой комнате, со скромно застеленной кроватью, аккуратно сложенной одеждой и расфасованными запасами еды, можно жить месяцами, если не годами.

И второе – то, что жить в ней предназначалось Либби Роудс.

Эзра

«Она простит меня», – думал Эзра.
А если нет, их мир все равно ждала гибель от рук Атласа Блэйкли.
Поэтому просить прощения, пожалуй, даже не стоило.

II Посвященные

Рэйна. Вчера

Прошел ровно год с тех пор, как они вшестером ступили на порог особняка Александрийского общества. Им расплывчато пообещали силу, знания всего мира под одной крышей, престижную жизнь и – вишенку на торте – доступ к величайшим тайнам вселенной.

Всего-то и надо, что дотянуть до посвящения.

Один год, за который они изменились, перестали быть прежними, став вместо этого единым целым, – шестеро необратимо превратились в одного.

Или же нет?

Оглядев раскрашенную комнату, Рэйна подумала: сколько продержится их союз? Не дольше часа, наверное. Стоило в комнату тихой поступью войти так называемому Хранителю, Атласу Блэйкли, и молча посмотреть на них, как атмосфера изменилась.

Рядом с Рэйной, как всегда, переминался с ноги на ногу Нико де Варона. Он взглянул на Атласа и сразу же отвернулся. За спиной у них хандрил Тристан Кейн. Париса Камали, за которой Рэйна следила краешком глаза, сохраняла безмятежное выражение лица. А вот Каллум Нова делал вид, будто Атласа не замечает. Стоял себе в стороне, задумчиво выпятив подбородок.

– Думайте о том, что будет дальше, как об игре, – предложил Далтон Эллери, исследователь в очках, который, словно привратник, готовил их к посвящению. Он кивнул Атласу, а после снова обратился к пятерым выжившим, которые стояли в ожидании у книжного шкафа. Далтон указал на центр комнаты.

Всю мебель, кроме пяти стульев из столового гарнитура, убрали. Стулья расставили кольцом, на расстоянии нескольких футов друг от друга, лицом внутрь.

Пятеро выживших свыклись с потерей шестого товарища, но все еще не могли относиться к ней равнодушно. Как старая боевая рана болит в непогоду, так шум и суета, которые когда-то разводила Либби Роудс, наполняли повисшую тишину призрачным эхом – невысказанной тревогой, существующей только в их клятвах. Отсутствие Либби ощущалось в ритмах дома, в пульсации где-то под половицами.

– Вы дошли до того момента, – продолжал Далтон, выходя в центр, – когда проверки закончились. Ни о зачете, ни о провале речь не идет. Однако у нас есть моральное обязательство предупредить вас: то, что ваши тела не пострадают, не гарантирует комфортного прохождения церемонии. Возможен любой исход, – произнес он в заключение, – кроме смерти.

Нико неуютно поерзал, а Тристан напряг скрещенные на груди руки. Париса скользнула взглядом в сторону стоящего у двери Атласа. Его лицо выражало все те же заботу и учтивость.

Или нет? Возможно, Рэйне просто казалось, однако лицо Хранителя чуть больше стало похоже на каменную маску. Маску истинного зрителя.

– Возможны любые исходы? – переспросил в наступившей тишине Каллум, выразив общее недоумение. – То есть мы не умрем, но есть шанс, что проснемся в теле гигантского таракана? («Жука»², – пробормотала Рэйна, однако Каллум пропустил это мимо ушей.)

– Такие исходы нам пока не известны, – ответил Далтон, – но технически это возможно.

² Отсылка к повести Франца Кафки «Превращение», главный герой которой однажды просыпается в теле гигантского насекомого.

Настроение будущих посвященных вновь неуловимо переменилось. Чувствуя потенциальный разлад, Нико взглянул на Рэйну, а потом сказал:

– Посвящение открывает особый доступ, так? Мы все сюда пришли добровольно. – Он говорил, не обращаясь ни к кому конкретно, но, перед тем как обернуться к Далтону, ненадолго задержал взгляд на Атласе. – Не поздно ли добавлять фактор устрашения?

– Это скорее предупреждение, – уточнил Далтон. – Есть еще вопросы?

И не один, подумала Рэйна, однако Далтон не спешил откровенничать. Тогда она украдкой глянула на Парису, единственного человека, который сразу уловил бы подвох. Париса держалась беззаботно. Не то чтобы у Рэйны имелась привычка дергаться, но если уж Париса ни о чем не тревожится, то и она не станет тратить время на страх.

– Церемония посвящения требует, чтобы вы покинули этот план, – продолжал Далтон. – Тяжесть вашего перехода определяется за вас.

– Все будет происходить у нас в уме? – угрюмо спросил Тристан.

У Нико дернулся глаз. С тех пор как Париса астрально погибла от рук Каллума, перспектива работы с иллюзией вызывала у всех оторопь. У всех, кроме, как это ни иронично, самой Парисы.

Далтон не спешил с ответом.

– Нет, – сказал он наконец, – но вместе с тем, конечно, да.

– О, ну отлично, – вполголоса сказал Нико Рэйне. – А то я уж испугался, что он нам ничего не объяснит.

Не успела Рэйна ответить, как Париса осторожно полюбопытствовала:

– Чем именно мы занимаемся на астральном плане Общества? И нет, он не дает мне преимуществ, – нетерпеливо добавила она, предупреждая вопросы товарищей. – Если есть какие-то ограничения, они распространяются и на меня, – пояснила Париса для Рэйны, хотя вряд ли об этом подумала только она. – То, что астрал – моя вотчина, не дает мне хоть какой-то значительной форы.

Рэйна отвела глаза, но подумала в сторону Парисы: «Какие мы нежные».

«Мне твои обвинения побоку», – чопорно подумала в ответ Париса.

«Но мои мысли тебя почему-то волнуют».

На это Париса уже отвечать не стала. Зато фокус в углу комнаты не сдержался и хмыкнул.

– Концепция вашего посвящения – не тайна, – покашляв, сказал Далтон.

– Какая прелесть, – проворчал Тристан. – Это что-то новенькое.

– Это лишь симуляция, – закончил Далтон. – Внутри симуляции вы столкнетесь с кем-то из вашего класса. С вашим представлением о нем.

Он помолчал, оглядывая лица, выражение которых разнилось от подчеркнутого равнодушия (Каллум) до смирения и нерешительности (Нико). Если кто-то из остальных и испытывал хотя бы тень тревоги, то показывать это не спешил. Атлас, в свою очередь, скромно погладил подбородок. Странно, но его костюм сегодня как будто сверкал чистотой ослепительней прежнего. Предельно отутюженный, словно бы на показ. Или же это была просто игра света.

– Никто не проверяет, как вы усвоили материал, – добавил Далтон. – Это вообще не проверка. Так, формальность. Весь прошедший год вы изучали материал по программе и скоро получите право просить у архивов все, чего бы ни требовали от вас пути познания. – В предвкушении судьбоносных перемен по спине Рэйны побежали приятные мурашки. – Для вас как для посвященных членов Общества откроется доступ к содержимому библиотеки: вы сможете пользоваться им и сами делать вклад по желанию, до тех пор, пока не выполните свои обязательства перед архивами. Свое место здесь вы заслужили, но каждый мост имеет два берега. Перейдите с одного на другой.

Он извлек папку из пустоты, словно поймал ее на лету.

– Первыми идут самые молодые. Начнем с мистера де Вароны.

Он посмотрел на Нико, и тот кивнул. Нико всегда и везде шел первым, это была его привилегия, его природа: он рвался вперед очертя голову, ибо иначе не мог. Теперь, когда пропал противовес в лице Либби, ничто не сдерживало его безрассудства. Он остался совершенно без тормозов.

Впрочем, баланса лишился не он один. Без Либби Роудс слегка изменился весь класс, ведь она – пусть они того и не сознавали – служила в их коллективном сознании таким моральным стопором. Ей всюду нужно было вставить «а вдруг»: «А вдруг это случится?», «А вдруг что-то пойдет не так?», «А вдруг кто-нибудь пострадает?». Последствия ее исчезновения из их коллективного организма будто постепенно усугублялись, подобно развитию скрытой инфекции. Разумеется, они могут дальше существовать и без нее, но со временем потеря сказывалась бы все сильнее. Медленное внутреннее кровотечение, интоксикация почек. Крохотный прокол в здоровом, казалось бы, легком.

«Рок-рок-рок», – вздохнул чахлый папоротник, слышать который могла, пусть и против желания, одна только Рэйна.

– Ладно, – шагнул к Далтону Нико. – И куда я отправлюсь?

– Никуда. Садитесь. – Далтон указал на стулья и подвел Нико к тому, который располагался примерно на отметке двенадцати часов. – Теперь остальные, – пояснил Далтон, – по порядку.

Все заняли места. Справа от Рэйны расположился Тристан, справа от него – Каллум, дальше – Париса. Нико замыкал кольцо, оказавшись слева от Рэйны.

На краткий миг круг охватило напряжение, словно нечто вот-вот обрушится на них с потолка или набросится, вырвавшись из-под пола, но ничего такого не произошло. Растения в комнате ершисто зевали. Атлас устроился у книжных полок вне поля зрения Рэйны, а Далтон занял его место позади Нико, с планшетом в руках.

Нико поерзал и взглянул на Рэйну, а потом, мельком, – себе за спину.

– Ну и что конкретно мне д...

– Начали, – оборвал его Далтон.

В то же мгновение будто чиркнули спичкой или щелкнули выключателем: голова Нико упала на грудь. Воздух затрещал, как от разрядов статического электричества, когда из его обесточенного тела скользнула не то волна энергии жизни или магии, не то сама его суть. Кожа у всех покрылась мурашками, волосы на руках и затылках приподнялись.

За какие-то секунды необузданный ток сконцентрировался и принял осязаемую форму прозрачного облачка, потом сгустился – и в центре круга резко возник призрачный образ Нико. С собой он принес собственное видение раскрашенной комнаты вместе с прежней расстановкой мебели, которая наложилась на помещение: стол у книжных полок и диван напротив камина. Четырех одноклассников и двух распорядителей он словно не видел. В его проекции был полдень, и солнце висело в зените: в окна с отдернутыми шторами влетали волны горячего воздуха. Стояла ясная погода, не то что летняя дождливая серость в физической реальности.

Краем глаза Рэйна видела, как Тристан подался вперед. Уперев локти в колени, он взирал на происходящее со смесью тревоги и отвращения во взгляде.

– Мы все будем наблюдать, как посвящают других?

– Да, – ответил Далтон, и в тот же миг напротив проекции Нико появилась призрачная форма Рэйны. Нико ослабилась.

– Отлично, – сказал он и взмахом руки убрал всю мебель в своей версии комнаты. Как всегда, когда Нико творил свою магию, никто не успевал ничего разглядеть. Просто раз – и мебель уже стоит по периметру комнаты. Словно так и было с самого начала.

Нико протянул руку к проекции Рэйны. Так они начинали каждый свой дружеский спарринг. И даже сейчас, спустя год, этот жест знаменовал начало поединка.

Париса по ту сторону прозрачной картинки закатила глаза.

«В чем дело?» – сердито подумала Рэйна.

Париса взглянула прямо на нее. «Если бы я хотела посмотреть, как вы двое ребячитесь, давно бы это сделала».

Но не успела она закончить свою мысль, как проекция Рэйны уже атаковала Нико ударом в голову. Нико едва ушел в развороте и сам сделал выпад, проверяя расстояние. Настоящая Рэйна ждала бы такого хода (да и сама бы, наверное, поступила так же), а вот ее проекция уклонилась, как будто Нико бил всерьез. Она слишком низко опустила руки, и он слегка чиркнул ее кулаком по щеке, как бы говоря: не забывай двигаться.

Проекция Рэйны выдала серию одиночных прямых ударов: один, два, три и, наконец, четыре. Последний Нико парировал, выведя Рэйну из равновесия, и сразу же нанес ей хук в висок. А она, вместо того чтобы уйти под руку, поспешила выставить блок. «Зря», – подумала, кривясь, настоящая Рэйна. Полностью смягчить удар не удалось.

Противники кружили на месте, проверяя друг друга. Нико шагнул к Рэйне, а потом, когда она купилась на уловку, легко ушел от ее хука и ударил по почкам. Рэйна вслепую отмахнулась, задев лишь мочку его уха. Нико засмеялся. Проекция Рэйны – нет.

Париса вдруг села ровнее и нахмурилась.

«Что, тебе вдруг стала интересна стратегия боя?» – презрительно подумала в ее сторону Рэйна. Атласа она не видела: его скрывала одна из книжных полок, – но возникло чувство, что и он настоужился.

«Я тебя умоляю, – раздраженно подумала в ответ Париса. – Дело не в драке. Просто ты, как обычно, упускаешь главное».

Что тут высматривать? То же самое она могла наблюдать сколько угодно и в реальной жизни. Однако, будь у нее выбор, не стала бы. Следить за собой в бою страшно неловко хотя бы потому, что так ты видишь все свои слабые места. А сейчас, в присутствии посторонних, ошибки казались особенно выпуклыми. Нико двигался плавно и непринужденно, кружил по собственной орбите в легком, раскованном ритме. Его нельзя было застать в одном месте дважды. Рэйна, напротив, казалась грузной и неповоротливой, таким утесом, который словно подтачивали приливы Нико. Рэйна невольно стала отводить взгляд и при этом заметила, что Париса по-прежнему пристально наблюдает за проекцией.

«Да что в этом такого интересного?» – сварливо спросила Рэйна, и Париса посмотрела на нее через проекцию, не менее раздраженная тем, что приходится отвечать.

«До сих пор не поняла? Это он тебя такой видит», – сказала она в голове Рэйны.

В этот момент она как будто ненароком стрельнула взглядом в сторону Атласа, однако по-настоящему ее занимала именно проекция Рэйны, и вот это-то сейчас сильнее всего приводило в замешательство настоящую Рэйну. Если Париса смотрит на тебя так внимательно, это не к добру. (Фикус в горшке согласился.)

«И что?» – подумала Рэйна.

«А то, что, во-первых, нам никто не запрещал колдовать, но Нико не пускает в ход магию, как и его версия – тебя. – Париса мельком улыбнулась. – Во-вторых, не знаю, заметила ли ты или нет, но он, похоже, совсем не считает тебя опасной».

«И что?» – повторила Рэйна.

«В том году нам дали задание убить кого-нибудь, и мы лишь недавно выбрали жертву. – Париса покосилась на приплясывающего Нико. – Разве так ведет себя тот, кто видит в тебе угрозу собственной жизни?»

Проекция Рэйны пошатнулась, угодив в очередную ловушку: повелась на ложный выпад джебом и пропустила хук. Жесткий кросс справа и апперкот не заставили себя ждать. Последний Рэйна заблокировать не смогла. Все это были ошибки, причем ее собственные. Те, что она уже совершала.

«А, вот ты и заметила наконец, – с большим нездоровым удовольствием подумала Париса. Ее замечания, как ни старалась их заблокировать Рэйна, пробивались в голове белым шумом, треском статических помех. – Он считает тебя уязвимой. – И тут же, куда насмешливей: – Слабой».

Рэйна со злостью заставила себя ни о чем не думать, вызвав в памяти приставучую мелодию из рекламы зубной пасты, бич телевидения ее детства. Улыбка на лице Парисы сменилась гримасой типа «туше, гадина», и мысли этого диванного психиатра потекли в другом направлении. Проекция Рэйны тем временем ушла от правого кросса Нико и ответила парой несильных джебов. Впрочем, Нико парировал их серией ударов, полностью отразить которые у нее не хватило скорости. Настоящая и раздраженная Рэйна старалась сохранять равнодушный вид, но поняла, что Париса – не единственная, кто следит за ее реакцией. Каллум украдкой смотрел на нее – долго, пристально, изучающе.

Что сейчас творилось с ее чувствами? Обычно Рэйна подобными вопросами не задавалась, считая себя человеком неэмоциональным. (Раздражение, злость, нетерпеливость – не в счет. По ее личной эмоциональной шкале Рихтера это просто комариный писк.) Но сейчас она худо-бедно различила какое-то неудобство, будто боролась с чем-то. Не со страхом и не с тоской... и уж точно не с чувством, что ее предали. Париса сколько угодно могла демонстрировать своим видом, будто понимает все нюансы психики человека, однако тут она все же не угадала.

Хотя и была близка.

В отличие от некоторых (а именно Либби) Рэйна не поддавалась капризам души вроде чувства незащитности, и знала, что Нико не считает ее слабой. Нико, разум которого напоминал безбожно захламленный чердак, вообще ни в ком не видел противника настолько опасного, чтобы пытаться его уничтожить. Такая беззаботность притягивала, но вместе с тем и отталкивала, так как не отличалась от самоуверенности. Обижаться на это мог лишь тот, кто в принципе не понимал Нико. Обращать внимание на его заносчивость значило показать эмоциональную уязвимость, попусту тратить время, свое и его.

И вместе с тем Нико считал Рэйну... предсказуемой. Думал, что ее уровень высок, но до его планки недотягивал. И если честно, в оценке Нико не ошибся: в некоторых дисциплинах – той же физической магии и рукопашной – Рэйна правда уступала. И что? Выше головы она прыгать не стремилась. В Общество ее привела жажда знаний, а не престижа.

Думала ли она, что, если не проявлять свои таланты четко, другие решат, что их у нее нет? Да, но, если речь шла о Тристане, Каллуме или Парисе, это не имело значения. От них Рэйна свои способности скрывала намеренно и вполне успешно. С Нико получилось не так хорошо, но он-то проводил с ней куда больше времени. Неужели и он не сделал выводов?

Рэйна не к месту вспомнила один случай. Чаепитие с бабушкой после одного особенно неудачного ужина с матерью. «Придет день – и тебя заметят, – заверила Рэйну кроткая бабуля, которая частенько бормотала что-нибудь невпопад. – Придет день – и они увидят в тебе то же, что и я».

«Мама, мама?» – с сомнением уточнил из угла папоротник.

Рэйна невольно согласилась.

Мать Рэйны, о которой та почти не вспоминала и никогда не рассказывала, была средней из трех сестер и двух братьев. («В молодости умела хлопот доставить», – говорила бабушка, будто пересказывая сюжет какого-нибудь сериала, а не события из жизни родного ребенка.) Бабуля, эксцентричная и необычайно добрая женщина, не желала, чтобы из-за одного небольшого проступка судьба дочери пошла под откос, и проявила, как могло показаться, великодушие – забрала Рэйну к себе. Через год или два мать Рэйны выгодно вышла за смертного предпринимателя, чья семья нажила состояние во время бума электроники, уступившего затем место эпохе техномантии.

Для Рэйны он оставался просто Предпринимателем. Человеком без имени и жизни за пределами работы. Не отцом, а просто тем, кто женился на ее матери. О том, что Рэйна живет с тещей, он знал лишь потому, что активно интересовался падчерицей. Сначала он принял ее за ребенка прислуги, которым можно помыкать. «Какая ирония», – частенько думала Рэйна. Должно быть, разговор у Предпринимателя с женой состоялся непростой. (А возможно, мать, женщина неразговорчивая, и вовсе ничего ему не ответила. Она производила впечатление человека, который многое видит и о многом молчит.)

Как бы то ни было, Предприниматель все же выяснил, кто такая его падчерица на самом деле, ведь именно он стал приглашать ее на ежемесячный ужин в семейном кругу. К тому времени они с матерью Рэйны обзавелись собственным потомством, однако их отпрыски пошли в отца: родились смертными и обделенными силой Рэйны. Предприниматель не был злым человеком. Он принимал деловые звонки за столом, но голоса не повышал. Он был просто очень-очень прозрачен. За ужином, прежде чем перейти к теме натурализма, сначала хвалил каллиграфию Рэйны и прилежание в школе, пока ее мать гоняла еду по тарелке и придерживалась своей обычной привычки вообще ничего не говорить.

Как бы там ни было, мать Рэйны скончалась за два года до смерти бабушки, когда Рэйне исполнилось четырнадцать. В последний путь ее проводили как примерную жену и мать. (Только не для Рэйны, которая неприметно устроилась в заднем ряду, и никто не спрашивал, кем она кому приходится.) Свою мать Рэйна знала плохо, но не сомневалась, что надгробная речь знаменует очень печальный итог жизненного пути: о покойной только и сказали, что она добилась успеха на двух местах работы. И ни слова о том, что она, к примеру, фальшиво пела в душе, шарахалась от садовых змей... как нормальный, живой человек.

Вскоре Предприниматель женился снова. Жизнь, как водится, продолжалась.

Воспоминания зыбучим песком затягивали в свою пучину все глубже, не давая сбежать. Из подсознания всплыл еще эпизод, настолько омерзительный, что Рэйна вздрогнула.

Незадолго до визита Атласа к Рэйне в кафе заглянул Предприниматель. Он увлеченно распекал кого-то по телефону и за этим занятием совершенно не узнал Рэйну, хотя много лет до того регулярно умолял о встрече. Его можно было понять: последний раз они виделись десять лет назад, – и все же Рэйна оценила иронию судьбы. Многие годы раз в месяц Предприниматель сидел напротив Рэйны за столом ее матери и притворялся, будто падчерица ему интересна, а за несколько недель до этой случайной встречи даже отыскал ее бывшую соседку и попросил номер телефона... который спустя час времени и покупку Рэйной нового гаджета уже сменился. Однако в тот день Предприниматель упоенно ругался с каким-то иностранцем, с трудом произнося его имя. «Он уже проделывал это и проделает снова!» – кричал Предприниматель, будто не видя Рэйны и кофе, который она принесла. В тот момент она была лучше невидимки, праздная особенно горькую победу, когда подтверждаются твои худшие догадки. Эта ее прозрачность стала доказательством того, что все было именно так, как она думала.

Рэйна всегда знала, что Предприниматель интересуется ею неспроста. И встретиться ему хотелось отнюдь не потому, что он тосковал по ней или ее изящной каллиграфии. По той же причине лилии в доме матери сторонились его, когда он ел. В детстве Рэйна думала, что такая цветочная реакция – это лишь проявление ее собственной неприязни к Предпринимателю, но кое-что в его поведении в тот день заставило ее пересмотреть свое детское отношение.

Только не к нему, а к его делам.

Он был разрушителем. На детские переживания Рэйны будто наложили проясняющую тонкую пленку, меняющую фокус. Ретроспектива с ее оттенками сепии неотвратимо указала на тонкий слой чего-то вроде перхоти или ворсинок у Предпринимателя на плечах. В отличие от прочих людей, зазывавших на работу Рэйну, он искал не просто рекордных урожаев, но задумал нечто коварное. Как и все, что сулило большие богатства. Аура разрушения окружала его ядовитым облаком, как парфюм.

Рэйна встряхнулась, отбросив прилипчивое чувство стыда, которое засасывало, как трясина, стоило вспомнить прошлое. Бабушка не ошиблась, обещая Рэйне, что в один день кто-нибудь да разглядит ее суть. Просто она имела в виду немного другое. Люди и правда начинали видеть суть Рэйны, и Предприниматель оказался лишь первым в их очереди. Рэйна была обречена – в дурном смысле – на чужое внимание, ведь в какой-то момент, став подростком, она уже не могла скрыть своей силы, своих способностей. Они бросались в глаза даже тем, кто к ним не присматривался. Правда, Рэйна к тому времени ничего внимания уже не хотела.

Она была не просто натуралистом огромной силы, а натурализмом как таковым. Уже это делало ее ценной или хотя бы полезной. Но с какой стати ей вообще нужно было доказывать кому-то свою полезность? Обстоятельства своих родов она не выбирала. Не выбирала и своих сил. Раз уж близкие сочли постыдным принять Рэйну, не говоря уже о том, чтобы полюбить ее, то и плодов ее дара они не заслуживали. По крайней мере, так она говорила себе каждый месяц, сидя за столом напротив Предпринимателя.

Со временем она научилась изолировать себя от других: не давала никому узнать себя поближе, не позволяла присматриваться к себе. Перестала демонстрировать таланты, доказывать свою пользу. Бабушка не ошиблась в своих предсказаниях: всегда наступал момент, когда Рэйну замечали. Вернее, замечали ее способности. Необузданный натурализм в чистом виде, магию невиданной мощи. Стоило Рэйне понять, что для других она – просто вещь, орудие достижения целей, и она всеми силами старалась отгородиться от мира, спрятаться, сохраниться. Стремилась не быть собой, ведь рано или поздно чужая корысть снова раскрывала в ней инструмент получения выгоды.

Другое дело Нико. С ним Рэйна сознательно проводила времени больше, чем с кем бы то ни было, и казалось, ему ничего от нее не нужно. Это ведь такая редкость! Просто благословение. Разве что сейчас его пропитанная самоуверенностью симуляция начисто опровергла одну из фундаментальных личных истин Рэйны: в ней есть что-то еще кроме силы.

В основу своей зрелой жизни Рэйна положила принцип замкнутости ради самосохранения, но, похоже, нечаянно оставила окошко для Нико.

Она дала ему увидеть свои слабости, закоснелость, уязвимости и ошибки, а он взял и запомнил их. А потом воспользовался тем, к чему она прежде никого не допускала. Хотя и проявил в этом большую посредственность. Не питая амбиций и не стремясь использовать Рэйну к собственной выгоде, Нико просто тешил и лелеял свое эго.

Рэйна поерзала.

А, так вот что она ощущает: разочарование.

Тем временем в симуляции они расширили репертуар приемов. Пустили в ход ноги и захваты. Проекция Рэйны, не совсем адекватная благодаря Нико, подняла ставки и прибегла к сложным маневрам. (Да ладно, это всего лишь проекция, так ведь? В поисках подтверждения Рэйна мельком глянула на Парису и тут же, злая на себя, отвернулась.) Нико схватил ее и сделал вид, что хочет ударить коленом в лицо, а когда она отпрянула, пнул по «тормозам». Короче, проекция Рэйны угодила в очередную ловушку, а настоящая Рэйна, закипая, ощутила легкий и в то же время настойчивый, как прикосновение лозы или усиков, укол негодования.

(Чем, кстати, Рэйна отличается от друга Нико, этого сноходца? Она ведь тоже – подобно тому, ради кого Нико в отчаянии и пришел сюда, – орудие, к которому тянутся недостойные? Как он не заметил? Не то чтобы это важно. Не то чтобы Рэйна хотела доказать Нико или кому бы то ни было свою ценность. Не то чтобы она расстраивалась.)

Если Рэйна правильно поняла, то ритуал посвящения наказывал того, кого проецировали, а не самого проектора. Далтон так и сказал: никаких ограничений. То есть Рэйна могла бы примчаться в машине и похитить Нико, сразиться с ним при помощи магии, пронзить молнией в самое сердце или задушить лозой. И это только в рамках реальности. Тогда какие чары

сотворила бы она за их пределами, в магической проекции, созданной в стенах волшебной библиотеки, где привычной реальности не существует?

Вот только Нико подобных раскладов явно не рассматривал. Ему и в голову не приходило, что Рэйна может одолеть его и удивить, и потому страдала она, а не он.

Она сжала кулак, и папоротник в углу распрямился, подобно хлысту, выстрелив в стороны стеблями, как щупальцами. У Рэйны в душе гнойником зрело некое чувство. Не боль от предательства, а нечто мягкое, словно плесень, похожая на опушку персика. Может быть, раздражение? Как от паучьего укуса, от ярлычка на одежде, от жужжания комара. Видимо, Рэйну раздражало, что Нико де Варона, похоже, не считал ее хоть сколько-нибудь важной.

В симуляции Нико вошел с ней в клинч. Какое-то время они боролись, а потом проекция Рэйны отбросила Нико, но тот лишь, как обычно, не теряя задора и проказливого блеска в глазах, отступил, словно в танце.

Как бы там ни было, Рэйна никогда не пыталась создать о себе хоть какое-то впечатление. Они с Нико были друзьями или, скорее, коллегами. Романтических чувств она к нему не испытывала, и уж тем более ее не тянуло к нему сексуально. Ее не тянуло вообще ни к кому, а собственный набор половых органов занимал ее так же, как занимало бы растение без завязей. Нико она тоже не давала поводов испытывать к ней какие-то чувства, пусть и проводила с ним почти все время. Похоже, что все, что он узнал о ней, – это сколько раз она ведется на одну и ту же уловку.

Ладно. Рэйна скрестила на груди руки. Наверняка именно Париса вложила ей в голову эту мысль. Сама Рэйна так никогда не подумала бы. Ей было совершенно плевать на мнение окружающих, и, уж конечно, она не нуждалась во внимании или в одобрении Нико. Да, во всем доме ему она доверяла больше других и, не задумываясь, могла на него положиться. Он первый рассказал ей о критериях посвящения, разве нет? Об этой небольшой лотерее со смертельным исходом, вроде тех условий, которые в договорах прописаны мелким шрифтом. Она знала, что Нико ее не убьет, а он и не спрашивал, станет ли она убивать его. Однако...

Нико нанес сокрушительный удар, от которого фантом Рэйны пошатнулся.

Нико не спрашивал ее. Разумеется, не спрашивал, потому что знал: она его не убьет.

И вряд ли это потому, что он считал ее слабой. Просто Нико знал, что она ему предана, как и все, кто его окружает.

(Она-то ему предана, а он ей?)

Симуляция продолжалась, а Рэйна снова заерзала на месте, лишенная покоя, исполнившись крайнего недоверия к собственным подозрениям. Неужели в этом и есть смысл ритуала? Далтон говорил, что церемония – не проверка, но в чем тогда цель? Открыть им глаза, дать мельком взглянуть на себя истинных? Или это ловушка?

А если так, то на кого ее поставили? На Рэйну или на Нико?

Проекция Рэйны покачнулась, обессилев, и Нико замер.

– Все норм? – спросил он, позабыв урок, полученный ранее: Рэйна не станет ждать сигнала и без колебаний атакует, усиливая натиск. Нико отбросил всякий страх получить сдачу и смотрел на нее с искренней заботой, без опасений. – Рэйна, ты как?

Проекция Рэйны не напала. Выпрямилась и посмотрела на него.

– Все хорошо, – сказала она невыразительно-ровным, механическим тоном.

(Это такой он ее видит?)

– Продолжать необязательно, – заверил Нико, глядя на нее с состраданием, прямо-таки щенячьими глазами. – Я даже не знаю, какого дьявола мы тут творим, но не хочу, чтобы ты пострадала.

Она? Пострадала? Вообще-то, она понимала, чем они заняты, ведь это продолжалось уже почти год. Само их общение началось с драки. Что-то тогда Нико о ней не пекся. Или он думал, что без его снисходительных указаний она бы сдалась и погибла?

Не то чтобы это ее разозлило. С чего бы?

Париса тем временем зловеще улыбнулась.

– Ты не можешь мне навредить, – ответила проекция Рэйны. Ну, хоть так. Хотя... как-то странно это прозвучало. «Ты не можешь мне навредить». Фальшиво и как-то бредово. Отдавало таким, с чем обращаются к профессиональному психотерапевту. Вот если бы Рэйна сказала: «Ты не навредишь мне», – тогда еще можно было бы подумать, что она в силах постоять за себя.

(Париса к тому времени уже посмеивалась, прикрыв рот ладонью.)

– Знаю, – не уступал Нико. – Но все равно не хочу.

Изображение симуляции исказилось и пропало. Нико пришел в себя и тут же судорожно вздохнул, как и всякий, чье сознание возвращается в тело. Подобно спасенному утопающему.

Наконец-то голос подал Атлас:

– Минута, а потом мы продолжим с мисс Мори.

Далтон кивнул и сверился с часами.

Рэйна тем временем повернулась к Нико и зашептала как можно тише, но так, чтобы он мог слышать ее за своими хрипами. (Очевидно, его телу передалась усталость из симуляции, а значит, ему все же пришлось попотеть, чтобы ее унижить.)

– Ты знал, что увидишь меня? – спросила Рэйна. – Думал обо мне заранее или...

– Ты что, все видела? – Выглядел Нико удивленно, но не пристыженно. То есть вины он не ощущал. В принципе, ничего удивительного, Рэйна знала, каков он, и все же это напоминание не прошло безболезненно. – Нет, специально я о тебе не думал. Я вообще вспомнил...

О чем он там вспомнил, Рэйна так и не узнала. Сзади подошел Далтон, и она ощутила, как часть ее выходит из тела. Произошло это незаметнее, чем если бы она заснула. Вот перед ней Нико продолжает говорить, переводя дух, а вот она уже у раскрытого зева бездны, которая – стоило подождать еще чуточку – сменилась раскрашенной комнатой.

Ее ритуал начался посреди ночи. Занавески были плотно задернуты, а в очаге пылал огонь. В духоте влажный воздух обволакивал склизким коконом.

Через мгновение из темноты навстречу Рэйне вышел некто в белой накидке.

– Привет, Рэйна, – низким голосом промурлыкала Париса.

«Вот сука», – мысленно выругалась Рэйна, а проекция Парисы чуть заметно улыбнулась, скинув с себя накидку.

Тристан

– Интересно, – прямо заметил Каллум, сидящий между настоящей Парисой и Тристаном. С этого места ему открывались все прелести Парисы-призрака, которая в голове у Рэйны под накидкой оказалась нага. Видимо, это был один из тех вероятных, исключаящих гибель исходов, в который Далтон – да и Атлас, выглядящий, как обычно, нагло-самодовольным, – не посчитали нужным вмешиваться.

Не желая комментировать, Тристан отодвинулся от Каллума и ненамеренно оказался ближе к Нико. Тот напрягся, явно раздраемый каким-то внутренним противоречием. Кажется, он вот-вот что-то скажет... Но Тристан пренебрежительно отвернулся. Не важно, чего хотел Нико, это могло и подождать.

Живая Париса пожала плечами, следя за симуляцией.

– У меня не такая грудь, – сказала она.

– Верно, – согласился Каллум. – И, кажется, Рэйна ошиблась еще кое в чем. – Он скосил взгляд на Парису. – У тебя вроде шрам в верхней части бедра?

«Да, – подумал Тристан, – сморщенный рубец в форме солнца с лучами». Он невольно вспомнил, как касался его, нежно обводя большим пальцем.

– Это ожог, а ты отвратителен, – невыразительно ответила Каллуму Париса.

Каллум, хихикая, немного съехал со стула.

– Мне что, ограничивать себя в своих наблюдениях? Ты ведь его не скрывала.

Проекция Парисы шагнула к Рэйне, но та отступила.

– В отличие от тебя, – сказала она своей версии Парисы, – мне, для того чтобы что-то почувствовать, не нужно себя эротизировать.

– Верно, – сказала Париса-проекция. – Тебе для этого требуется куда больше.

– В яблочко, – пробормотал Каллум.

– Заткнись, – велела ему живая Париса, хотя в ее голосе по-прежнему слышалась какая-то пустота. Она не спорила. Тристан и рад был бы поломать над этим голову, но тогда Париса точно услышала бы его размышления, поэтому он спешно отказался от своей затеи.

А она скосила на него взгляд и с легкой усмешкой произнесла у него в голове: «Уж будь любезен».

Париса наблюдала за Рэйной, скрестив на груди руки.

– Как-то непримечательно, не находите? – вслух сказала она.

– Почему? – протянул Каллум. – Потому что все здесь уже видели это прежде?

– Нет, – отмахнулась Париса. – Просто Рэйна остановит это до того, как станет интересно.

– И правда, – согласился Каллум. – Но тогда почему...

– В том-то и вопрос, – перебила Париса.

– А, – кивнул Каллум.

В последнее время они часто вот так переговаривались и согласно кивали друг другу. Тристана это выводило из себя. Прежде он не задумывался, что стало бы, реши Каллум и Париса объединить свои взаимно дополняющие способности, но сейчас его это раздражало, даже мучило. А еще Тристан был уверен: Атласу не терпится посмотреть на его симуляцию. Как он сотворит нечто, что ему полагалось бы уже уметь и чего он, к вящей своей досаде, пока не добился.

Тристан поерзал и закинул левую ногу на правую.

Нет, плохо.

Он поменял ноги местами, закинув правую на левую. Нет, так еще хуже. Тристан опустил обе ноги на пол и тут заметил на рукаве торчащую нитку. Под ярлычком кофты зачесалось. Да еще и шея заболела. Тристан впился зубами в заусенец на пальце правой руки.

Каллум коротко усмехнулся.

– Интересно, – снова произнес он.

Непонятно, правда, что именно было интересным: терзания Тристана, Париса, проекция Парисы из головы Рэйны, – или же он иронизировал, и все это казалось ему чрезвычайно скучным. Впрочем, оставался шанс, что Каллум и правда заинтересовался происходящим, ведь оно напоминало его любимые игры. Этакie психологические войны, просто подарок. Тристан снова поерзал и заметил, что Каллум по-прежнему на него смотрит.

– В чем дело? – пробормотал Тристан.

Уголки губ Каллума резко приподнялись в улыбке, как язычки пламени от зажигалки.

– Я мог бы тебе с этим помочь, – сказал он.

«Да», – подумал Тристан. Атлас определенно наблюдал за ним.

Каллум и Тристан уже давно понимали друг друга чуть ли не с полуслова: Каллум предлагал Тристану избавиться от тревоги, чтобы не дергаться. И этим, падла, только расстраивал Тристана еще сильнее, ведь после того, как пропала Либби Роудс, именно он занял вакантное место человека – пороховой бочки. Возможно, он и так это знал: заменяет Либби не Нико, ее зеркальный двойник, а он, Тристан, с которым ее роднила частица вечной неполноценности. Шея под ярлычком зачесалась сильнее.

Тристан стиснул кулак, расслабил руку.

– Ты же вроде наказывать меня хотел? – напомнил он Каллуму, и тот пожал плечами. – Теперь помогать спешишь?

– Да не собираюсь я тебя наказывать, – тихо произнес Каллум. – Хотя, если бы захотел, вышло бы довольно неплохо.

Тристан, местный несостоявшийся убийца, в последнее время предавался мечтам или, скорее, фантазиям, где его рука не дрогнула бы. Где бы он просто взял и прирезал Каллума в обеденном зале от имени всего класса, благословившего его на это славное дело. Прошел месяц с той ночи, той самой ночи, когда исчезла Либби Роудс, – и вряд ли случайно, – а воображение так и не успокоилось. Оно рисовало картины гибели худшего друга и ближайшего врага если не от руки самого Тристана, то по воле несчастного случая. Тристан даже изобрел для себя этакий вид медитации: представлял, как встает с пола и отвешивает Каллуму смачный удар в челюсть.

Всякий раз после этого Каллум смеялся или же отворачивался и, сплюнув кровь, говорил нечто вроде: «А, так у него есть характер». В этот момент Тристан думал: «Ладно, дай мне нож, и мы повторим», – но тут понимал, что оружие и так у него в руке. Он до конца жизни не забудет, как пальцы сжимали гладкую рукоять, как билось его скованное сомнением сердце.

В этот момент Атлас пошевелился.

– Отстань от Тристана, – велела Каллуму Париса. – Ему и так дурно.

– Сам вижу, – ответил Каллум.

– Спасибо, Париса, ты мне очень помогла, – пробормотал Тристан.

– На здоровье, – ответила она, не сводя глаз со своей проекции.

В этот момент Нико выглянул из-за бессознательного или, скорее, полусознательного тела Рэйны и вопросительно посмотрел на Тристана: мол, все норм, дружище? Другими они, правда, не были, да и вообще после пропажи Либби Нико не спешил ему помогать. Видимо, потому, что, раз они хотели отомстить за Либби командой, от Тристана ждали больших усилий и убедительных эмоций. Ему теперь что, махнуть рукой на жизнь и выть по ночам на луну от разбитого сердца? По крайней мере, взгляд Нико говорил примерно об этом. Или это просто сочувствие? Как будто Тристан в нем нуждался! Вот бы и Нико дать по зубам.

Итак, получается, все хорошо.

Тем временем дела у проекции Рэйны были ненамного лучше. В ее симуляции почти не наблюдалось живости, в отличие от Нико: никого не били, никто не сыпал угрозами. Видимо,

поэтому ее ритуал смотрелся так утомительно. Тристан с трудом заставлял себя наблюдать за ним.

– Ты ведь хочешь знать, почему я не запала на тебя? – произнесла Париса-проекция. – Только честно.

– Нет. – Рэйна соврала, даже Тристан это понял.

– Кое-что интересное в тебе все же есть, – сказала ей Париса-проекция. – Думаешь, я не вижу твоей силы?

– Меня не интересует твое мнение.

– Неправда. – Париса-проекция принялась медленно кружить вокруг Рэйны, словно болотная рысь. – Ты стораешь от любопытства и при этом боишься узнать правду.

– Похоже на тебя, – заметил Каллум сидевшей рядом с ним настоящей Парисе.

Париса не ответила, но Тристан прямо видел, как вращаются шестеренки ее расчетливого ума. Не первый раз он задумался, каково было бы заглянуть в ее мысли.

Тристан подергал ногой, не отрывая носка от пола, и снова надкусил заусенец на пальце, а потом поймал на себе вопросительный взгляд Нико и решил, что сейчас он бесит его сильнее прочего. Даже с учетом того, что его сейчас раздражало многое: Каллум, который, возможно, все еще хочет убить его; Париса, которая каждый день обвиняет его в остром экзистенциальном кризисе; Рэйна, которая без труда может сказать «нет» Парисе, и поэтому, возможно, сильнейшая из присутствующих.

А еще он. Тристан, как всегда, сам же возглавил список того, что его бесит. Отчасти он верил, будто где-то в анналах вселенной исчезновение Либби вменяется в вину ему. Оказались бы они в таком положении, если бы он убил Каллума? Ему больше нравилось, когда Нико безмолвно винил его в исчезновении Либби, упрекая Тристана в провале лишь тоном голоса, выражением лица и взглядом. А вот эту перемену в отношении – будто бы Тристан заслуживает сочувствия – терпеть было невозможно. Она приводила в ярость. Да, именно в ярость. Гнев – такое знакомое, можно сказать, родное чувство. Его вкус чуть ли не успокаивал. В жопу Нико. В жопу Каллума. Парису тоже – в жопу. И Рэйну, почему нет? Seriously, что он тут забыл? Из него чуть не сделали убийцу, и вот нате, теперь он сам в роли жертвы. Каллум так его и назвал: жертва.

«Может, помолчишь? – спросила Париса. – Я смотрю, вообще-то».

– Да пошла ты, – вслух ответил Тристан, поднимаясь со стула. Нико обернулся, Каллум – нет. Далтон, который наблюдал за происходящим из угла, открыл было рот, но Тристан велел ему: – Отвали, Далтон, сам знаю.

Далтон ничего не сказал. Тристан видел, что Атлас по-прежнему в комнате, но делает вид, что ничего не происходит.

Глядя на ритуальную голограмму Рэйны, Тристан вышел за пределы круга. Проекция Парисы тем временем подошла опасно близко к Рэйне. Так близко, что если бы Рэйна опустила взгляд, то сама увидела бы мурашки на ее голом теле.

– Скажи честно, – прошептала Париса-проекция. – Ты боишься?

– Чего? – презрительно спросила Рэйна. – Тебя?

– Ты с таким же успехом могла бы исчезнуть, – пробормотала Париса-проекция. – Понимаешь? Твоя сила бесполезна. Самое большее – поможешь кому-нибудь разбогатеть. Из тебя скорее выйдет милый декоративный питомец. Ты не меня боишься, Рэйна, ты боишься стать мной, – сказала она и с тихим смехом погладила Рэйну по щеке. Внутри симуляции Париса была с ней одного роста, тогда как в жизни заметно уступала.

– Ты думаешь, что бунтуешь, – продолжала проекция Парисы. – Но это не так. Ты просто ничего не значишь.

– И как это связано с сексом? – глядя прямо перед собой, пробормотала Рэйна.

– Дело не в сексе, сама знаешь. Дело вообще не в сексе.

– Тогда в чем?

Париса улыбнулась.

– Во власти.

Тристан посмотрел на живую Парису: ее снова что-то встревожило.

– Ну, тогда... – Рэйна медленно заскользила взглядом по рельефу обнаженного тела Парисы, изучая его дюйм за дюймом. Насмотревшись, перешла к прикосновениям: глядя на шею Парисы, в легком жесте протянула к ней руку. Живая Париса сделала судорожный вдох; в комнате повисла гнетущая тишина.

В пальцах у Рэйны блеснуло что-то серебристое. Узкое, короткое лезвие порхнуло у бедра Парисы.

Нож.

(Тиканье часов на каминной полке превратилось в тугий растянутый звук.)

Тристан моргнул, выныривая из тумана повторяющихся кошмаров, что преследовали его изо дня в день, неделю за неделей, – в них мелькал тот же серебристый блеск. Он подавил охотно пробудившуюся боль.

– Есть и другие виды власти, – тихо предупредила Рэйна, плавно прижимая лезвие к телу Парисы.

Та усмехнулась и подалась вперед, целуя Рэйну в шею, но та резко вскинула руку с ножом...

Лезвие с характерным отвратительным звуком вошло в плоть, и Тристан отвернулся.

(Снова этот блеск стали. Вкус вина и мучений. Близость рокового момента и колебания. Гулкий стук сердца. Часы на каминной полке.)

Симуляция потемнела и погасла.

– Сядьте, мистер Кейн, – велел Далтон.

Тристан и забыл, что стоит. Он взглянул на живую Парису и на Рэйну, сознание которой вернулось в тело так резко, что та чуть не подавилась ворвавшимся в легкие воздухом. Рукой – уже без ножа – она коснулась шеи, словно бы проверяя, по правде ли это.

(Блеск ножа. Стук его сердца.)

(Тик.)

(Так.)

(Тик.)

(Так.)

– Это что еще за херня? – зло спросил Тристан, и все обернулись. У Парисы в кои-то веки был удивленный вид, будто она не ожидала такого поворота событий. Видимо, потому, что и Тристан его не ожидал.

– Что? – нахмурилась Рэйна.

– Мистер Кейн, – повторил Далтон, – сядьте.

– Нож, – резко ответил Тристан, не обращая внимания на то, что Атлас мельком нахмурился. – Это что, шутка такая?

– Тристан, – предостерегающе пробормотал Каллум, чем снова привел его в бешенство.

Рэйна же скрестила на груди руки:

– Если это шутка, то в чем прикол? Между ними все было совсем не так, – добавила она, упрямо мотнув головой в сторону сидящих бок о бок Каллума и Парисы. – Это все равно иллюзия, к тому же я честно ее предупредила.

– Мистер Кейн, – не унимался Далтон, – настоятельно советую вернуться на место.

– Нет, это не шутка... И знаете что? – заводясь все сильнее, сказал Тристан. (Тик.) – Вы мне что-то доказать пытаетесь? Что я слабый? (Так.) – В этом все дело? – Так вот за кого его держат? За труса? Думают, если бы он поступил иначе и не запорол бы все, то та ночь, этот год, и все их жизни обернулись бы тоже иначе?

(Тик. Так. Тик. Так.)

– Это же ты все свела к власти? – накинулся Тристан на Рэйну, и та нахмурилась. (Тик-так-тик-так...) – Это твоя проекция придумала, – прорычал он, указывая в центр круга, где завершился ритуал инициации Рэйны. – Все ты. Ты выбрала нож, а значит, пытаешься...

– Они не знают, дружище, – безмятежно перебил его Каллум. При виде такого спокойствия Тристан не выдержал и стал прикидывать, как бы втащить Каллуму. Выбить из-под него стул, чтобы растянулся на гребаном эдвардианском полу. Нет, схватить за грудки и со всего размаху ка-ак...

– Их там не было, – сказал Каллум. – Они не знают.

Отрезвление рухнуло на Тристана, как нож гильотины. Рэйна хмурилась. Париса взидала на него с откровенным смущением, если не сказать – озабоченно.

– Чего не знают? – вслух спросил Нико.

– Кстати, – резко обернулся к нему Тристан, – что до тебя...

Он успел заметить, как пристально смотрит на него Атлас, но тут его словно сковало железным обручем.

– Я велел вам сесть, – произнес Далтон, кладя руку на затылок Тристану.

В следующий миг Тристан покачнулся, завалившись вперед и моргая от яркого белого света.

– Привет, Тристан.

Постепенно зрение вернулось. Ему показалось, что он потерял равновесие и падает лицом вниз, а потом он услышал голос и узнал его...

О нет.

Ее образ плыл ему навстречу, постепенно обретая четкость: оттенок волос, форма губ... Он знал, что ее воссоздали по его памяти, вынув картинку из головы, но это и было самое удивительное. Куда меньше он удивился бы, явись она ему настоящая.

Надо же, как отчетливо он ее запомнил.

Как цепко детали въелись в память – и эта форма запястий.

Линии шеи.

Изгибы ключиц.

Брови, сведенные в вечном укор.

– Роудс, – медленно произнес Тристан и тут же добавил: – Хорошо выглядишь.

Либби чуть улыбнулась, и в этот момент он подумал, что, может быть, его ждет нечто хорошее. Прощение. И не важно, насколько фальшивое. Разве не мог он выбрать для себя это мгновение покоя?

Нет, разумеется, нет. Далтон же говорил: это игра. Для других, возможно, так оно и есть, но сейчас все происходит в голове у Тристана. В тюрьме, которую выстроил для него собственный разум. И не стоило ждать прощения.

– Да пошел ты тоже, – равнодушно сказала Либби, выбрасывая руку вперед и выпуская из ладони огонь.

Париса

Тристан, слава богу, увернулся.

– Боже! Черт! – выругался он, с трудом спасаясь от гнева Либби Роудс, который, видимо, считал заслуженным. Словно это его проблемы с моралью каким-то непостижимым образом привели к ее исчезновению. Если бы Париса следила за ритуалом менее пристально, то нашла бы смешным то, как внезапно Тристан распрощался с комплексом выжившего. Однако нечто подсказывало ей, что ничего смешного в происходящем нет.

Париса взглянула на Рэйну, которая с момента пробуждения после обряда не переставала хмуриться. Но точно ли подходит слово «пробуждение»? Похож ли обряд на сон? Париса осторожно пустила в ход свою магию, проникая в ум Рэйны, как лучики света проникают через трещинки.

Рэйна тут же распознала вторжение. «Неплохая попытка», – мысленно сказала она, изобразив жест, который иначе как некультурным не назовешь, и быстро затихла.

Вот, собственно, поэтому Париса ни с кем надолго и не оставалась. Со временем чужой образ мысли становится очевиден. В иных обстоятельствах ответ Рэйны можно было бы счесть проявлением близости или дружбы, но сейчас она лишь требовала не надоедать.

Краем глаза Париса заметила усмешку Атласа.

«Находите это забавным?» – телепатически спросила она.

Атлас никак не ответил – ни мысленно, ни жестом. С самого начала инициации он проявлял чудеса невозмутимости, сведя свое присутствие к загадочному сидению в тени книжных полок. Париса даже подумывала залезть к нему в голову, но понимала, что все усилия окажутся тщетны. Сегодня – да и вообще с тех пор, как пропала Либби, – его защита была особенно крепка.

(Что само по себе подозрительно. Впрочем, сейчас было не место и не время думать об этом.)

Париса вновь обратила внимание на Рэйну, которая все еще злилась. Видимо, чувствовала себя неловко из-за фантома Парисы в своем воображении. Было бы о чем париться. Как будто Париса себя раньше голой не видела: среди ее партнеров попадались любители снимать пикантные видео, к тому же – что бы там Париса ни говорила другим или, скорее, во что бы ни позволяла им верить, – большую часть своих денег она получила за работу натурщицей в студенческие годы. Она уже давно приняла факт, что всех интересует лишь ее внешний вид, как у тех же цветов или статуй, и научилась принимать эффектные позы и смотреть выразительней, чтобы все видели только ее лучшие стороны.

На свое отражение в чужих глазах Париса смотрела совершенно спокойно. Так она понимала, с чем именно надо работать. Многим состоявшимся художникам и студентам хватало смелости показать Парисе, что именно их в ней зацепило. Блеск в глазах или игра света и тени на грудях. Загадочная полуулыбка Моны Лизы или узкая, как перемилька песочных часов, талия. Это была их главная цель: идеально уловить и передать ее красоту, – но Париса, наблюдая, как разных творцов привлекают разные элементы ее образа, поняла иное: изображая ее, они раскрывали себя.

Париса привыкла смотреть на себя чужими глазами. Не то что Рэйна: ей явно было очень неудобно взирать на себя сквозь призму восприятия Нико. Неужели она и правда ни разу не задумывалась о том, как ее видят окружающие? Скорее всего, нет, и Парису это почти веселило.

Рэйну, которая воспринимала всех упрощенно, Париса считала любопытным экземпляром. Для Рэйны суть людей сводилась к каким-то основным качествам: манипулятор (Париса), нарцисс (Каллум), неуверенный (Тристан), верный кому-то, но не ей (Нико). Это рациональ-

ный взгляд, лишенный истинного понимания сути вещей, причин и следствий, а потому Рэйна ожидала от окружающих рациональных, сообразно их принципам и характеру, поступков.

И в этом, конечно, заключалась ее уязвимость. Рэйна Мори все еще не осознала, что люди, как это ни досадно, склонны раскрываться в самой непредсказуемой и нелогичной манере, какую только можно вообразить.

Было даже немного жаль, что этой симуляции не видит Либби Роудс. Париса наслаждалась бы ее унижением. Либби не понимала людей и потому верила Парисе, хотя все указывало на то, что верить ей нельзя, и сторонилась Тристана, несмотря на то, что он – как раз тот единственный человек, который не стал бы действовать против Либби. Странно, как при всем при том, чего она не знала или не понимала, она сумела «прочитать» свой класс куда точнее, чем удалось бы Рэйне.

Париса ощутила острый укол неудовольствия. Даже спустя месяц она не любила вспоминать об отсутствии Либби. Ей не нравились потери, ведь она не понимала чувства печали и вместо нее испытывала обычно досаду, нервозность, как если бы ей свело ногу судорогой. Печаль других Париса воспринимала как отвратительное проявление слабости, но, к несчастью, грусть была заложена в человеческой натуре. Даже чувствуя нотки тревоги, она запрещала себе ее испытывать: стоит однажды впустить в душу скорбь, и та тебя затопит. Здесь с ней согласился бы Каллум.

В пузыре симуляции Либби постепенно брала верх над Тристаном. Он явно винил себя в ее пропаже как дурак, ведь это было совершенно напрасно. Хотя справедливости ради стоило отметить, что в последнее время он много чего по своей дурости делал напрасно.

Каллум, будто подслушав ее мысли, указал Парисе на симуляцию, в которой Либби как раз чуть не оставила Тристана без глаза:

– Печальненько.

Париса скосила на него взгляд, а потом снова посмотрела на происходящее в симуляции. Тристан попытался применить физическую магию, но вышло ожидаемо средне, учитывая, что бился он с одним из пары одареннейших магов-физиков своего поколения. Проекция Либби швырнула в Тристана какой-то детской хлопушкой. Тот, упав на колено, распылил крохотный огненный шарик.

Ловкости Тристану было не занимать, и это в нем Парисе очень нравилось.

Она посмотрела на Каллума, беспечно наблюдающего за вялыми попытками Тристана сражаться. Видно было, что внутренний конфликт не дает Тристану нанести хоть сколько-нибудь сокрушительный удар. В некотором смысле зрелище и правда выходило печальное, хотя Каллум в последнее время часто предавался определенным фантазиям, и по сравнению с финалом многих из них смерть от огня в бою с Либби Роудс казалась не такой уж и грустной.

Точнее говоря, Каллум видел сны, а если совсем уж предметно – то в них он убивал Тристана. Обстоятельства смерти никогда не менялись. Грезы Каллума напоминали кошмарную петлю времени, а сценой служила столовая. Каллум пробовал много сценариев и видов оружия: в одну ночь бил Тристана канделябром, в другую душил подушкой от кресла. Пробовал, разумеется, и голыми руками – в этом даже проступало нечто сексуальное. А еще подсыпал яд в суп, что было глупо: все знали о стойкой неприязни Тристана к бульону. Ладно, шут с ними, с методами, но откуда в принципе такие фантазии? Каллум и сам вряд ли знал. Может, он видел в своих обидах и ненависти проявление маскулинности и силы, хотя вел себя как одинокий, всеми забытый ребенок.

– Очень печально, – согласилась наконец Париса.

Каллум бросил на нее насмешливый взгляд и благоразумно отвернулся.

Тристан все еще сражался с проекцией Либби. Нико наблюдал за ними, подавшись вперед и уперев локти в колени, – явно анализировал бой. Он неотрывно следил, как Либби отражает

удары, атакует и мечет огнем, при этом в его голове непрерывно варились тяжелые мысли, не покидавшие его весь прошлый месяц.

Рэйна – единственная, кто был интересен Парисе, – по-прежнему закрывала свои мысли, и это бесило.

«Тебе не кажется странным, – небрежно подумала в ее сторону Париса, – что от нас не требуют победы? Это же не какая-то игра. Это... симуляция. Так в чем же цель?»

Рэйна показала рукой непристойный жест, и Париса мысленно вздохнула, сдаваясь. Она обернулась к Далтону, который как раз смотрел на нее.

«Вижу, что ты что-то задумала», – передал он ей свою мысль. Он редко обращался к ней при других напрямую. Даже не редко, а вообще никогда, тем более что сейчас в комнате находился Атлас... Хотя, если так подумать, именно присутствие Атласа, наверное, и развязало ему язык.

«Я ничего не задумала, – беззаботно заверила его Париса, прекрасно понимая, что Атлас наверняка подслушивает, – и не строю схем, а вот заговоры время от времени устраиваю».

«Это ничего не значит, – сказал Далтон, чуть заметно указывая на симуляцию, в которой Тристан создал себе нечто вроде тонкого щита, не выдержавшего и одного удара. – Всего лишь очередной ритуал».

Париса взглянула на Атласа. Тот не обращал на нее внимания или же притворялся, что не обращает.

«Ты ведь и сам в это не веришь».

«При чем тут вера? – ответил Далтон. – Я просто знаю».

С этими мыслями и он закрыл от нее свой ум.

Париса снова вздохнула про себя. С исчезновением Либби все пришло в дисбаланс. Тристан тревожился, а она, судя по всему, вообще параноила. Союз Нико и Рэйны трещал по швам, хотя Нико был таким же, как всегда, и разлад замечала лишь Рэйна. А еще нечто странное творилось между Нико и Тристаном: они, видимо, не оправились от того, что хоть в чем-то да согласились. Дело понятное. Такого даже Париса не предвидела.

Она вспомнила, как обнаружили «тело» Либби Роудс, которое, если верить Тристану, телом не было. Естественно, он разглядел подвох. Увидеть разницу могла бы и Париса, но случай был из тех, когда «увидеть» не означало «понять». Однако тогда она впервые испытала, каково это – смотреть на мир глазами Тристана. Прежде Париса с удовольствием тянула у него из головы разные мелочи: например, какого цвета волосы у Каллума (блондин, но невыраженный), есть ли у него залысины (скоро, где-то в тридцать, генетика даст о себе знать), – однако истинный потенциал его восприятия ошеломил ее. Как и то, что сам Тристан о нем не догадывался.

Даже излучая мощный голод, до самой силы Тристан дотянуться не мог, и в этом заключалась печальная истина. Взять его хоть сейчас! Он дрался даже не с настоящей Либби Роудс, а все равно не сумел и волоса у нее на голове задеть. Он разве что не трепетал от стыда и вины перед ней. Однако месяц назад, когда они смотрели на тело, Париса заглянула Тристану в голову. Он видел перед собой вовсе не труп, не сцену кровавого убийства, открывшуюся перед другими, а нечто неосязаемое, ненастоящее, скопление огоньков вроде северного сияния. Глядя на Либби Роудс глазами Тристана, Париса будто видела в телескоп тысячи метеоров.

О том, что эта штуковина – не то тело, не то скопление звезд – на самом деле анимация, Парисе сказал Далтон. Каллум потом подтвердил опасения: анимация напоминает иллюзию, только она более... плотная. Это нечто, содержащее искру жизни. Типичное творение аниматора неуклюже, как аниматронная кукла смертных, у нее ни единого шанса сойти за живого, настоящего человека, но нельзя было отрицать фундаментальной концепции: анимации – не просто иллюзии, они и есть сама магия.

Если вынести за скобки вопрос об анимации Либби – и мастерстве ее создателя, – то Парису волновало вот что: раз Тристан способен видеть нечто вроде молекулярной структуры магии, то что еще он способен разглядеть?

Париса знала о химии между Тристаном и Либби задолго до того, как вмешалась в их отношения. Их связывало нечто нерушимое, то, что следовало за ними повсюду, объединяя, даже когда они были вдали друг от друга. Так с людьми обходилась история. Сближала. Связывала кого-то любовью, а кого-то – ненавистью. Устанавливала ту особенную тесную связь, в которой все враги когда-то были друзьями.

Что такого случилось в тот день, когда обнаружили тело Либби Роудс, если Париса вспоминала его снова и снова? Нечто плодило беспокойные мысли, заставляя их кружиться на месте. Она чересчур много времени провела в кругу одних и тех же людей, которые постепенно усиливали свою защиту от телепатии, и это ослабило ее магию, притупило остроту ее дара. Париса чувствовала себя как Каллум, застрявший в неразрывной петле своих снов. Так в чем же загвоздка, подвох? История, молекулы, Тристан и Либби, Тристан, заметивший на полу тело Либби...

И тут до нее дошло.

В ту ночь Тристан увидел Либби такой, какой ее помнил кто-то иной.

Он был не зрителем проекции, а сценой. Не в этом ли заключался весь трюк? Это и сводило сейчас Парису с ума – то, что они разыгрывали некое представление перед невидимым залом. Нико создал фантом Рэйны, Рэйна создала фантом Парисы, и вот сейчас Тристан показал фантом Либби... Но почему? Проекции не помогали понять самих соперников (если между ними и правда еще сохранялась конкуренция). Они представляли друг друга так же неверно, как представляла себе Рэйна грудь Парисы.

Впрочем, и это – ценная информация. Раскрывались не фантомы, а их создатели. Уязвимости, которые видел в Рэйне Нико, больше указывали на его собственные приемы и магию. Он раскрыл свои карты, равно как Рэйна – свои, когда ее фантом Парисы сбросил накидку. Посвященные по очереди демонстрировали свои склонности, признавались, в чем ошибаются насчет остальных, и если между ними по-прежнему идет смертельное состязание – идет ли, формально или нет, кто знает, – то это поможет найти их слабые места, трещины в обороне. Впрочем, раз уж новой элиминации не предвиделось, то наблюдатели-посвящаемые ничего не выигрывали.

Тогда от обряда выигрывал только один, чему, однако, удивляться не стоило. В конце концов, общество, которое требует отнять жизнь, может с легкостью и управлять чужой волей. Париса позволила себе мельком бросить взгляд на Атласа – тот сидел неподвижно.

Если сейчас они впятером раскрывают свои привычки и схемы поведения, чтобы остальные могли прочитать их, то, возможно, в этом и состоят замысел, истинная цель игры. Выходит, вопрос не в том, кто кого победит, а насколько они предсказуемы.

Кому это надо? Зачем?

Париса встревоженно посмотрела на Тристана и нахмурилась, глядя, как он ныряет за дымовую завесу. Свой фантом Либби он наделил таким могуществом, которого от живой Либби Париса и не ждала, тогда как им самим уже овладевала паника. Судя по ужасу в его сосредоточенном взгляде, Тристан собирался сделать нечто такое, чего еще сам до конца не понимал. Видимо, Обществу от него ничего не добиться, разве что неуместного рыцарства и бесконечных сомнений в самом себе.

Париса снова нахмурилась и подалась вперед, когда Либби метнула в Тристана очередной файербол. Огненный шар чиркнул по его бицепсу, и рукав загорелся. Тристан выругался и, покрикивая, принялся тушить на себе пламя. Ага, значит, огонь все же реален. Ну или, по крайней мере, жар от него ощущается. Интересно.

– Вашу мать, какие тут правила? – прорычал Тристан, озираясь внутри симуляции. Видел ли он остальных за ее пределами или нет, было неясно, однако, судя по отчаянному выражению его лица, решил, что раз уж он тут для других распинается, то можно и вопросы позадавать. Далтон, который, видно, не придавал этому никакого значения, нацарапал что-то на полях блокнотика.

– Вопрос уместный, – тихо заметил Каллум.

Нико обернулся к Атласу, но тот лишь покачал головой, разводя руками: я, мол, третья сторона, наблюдатель, а все вопросы – к Далтону.

– Правила я оглашал, – произнес, не поднимая головы, Далтон. – Их нет.

– Игра, в которой ни победителей, ни проигравших, ни правил? – недоверчиво проговорила Париса, гадая, станет ли Атлас ей возражать.

Хранитель молчал.

– Это не соревнование, – уточнил Далтон. – Просто обряд.

При этом он опасливо взглянул на Парису, а Тристан в это время, видимо, уже не надеясь услышать ответ, решил – впервые за двадцать минут, которые длился его ритуал, – перестать суесться и начать действовать.

Возился он и правда дольше Нико и Рэйны, и это тоже было интересно. Значит, пока в симуляции не произойдет нечто значимое, она не заканчивается, а сторевающий рукав Тристана – не в счет.

«Ты уверен, что он не погибнет?» – мысленно спросила Париса у Далтона.

Тот отвечал невозмутимо: «Уверен. Только один участник проекции – настоящий».

Значит, и настоящую магию использует лишь один.

Проекция Либби продолжала палить. Вспышки магического пламени в симуляции озирали раскрашенную комнату рыжими и красными всполохами. Тристан увернулся от выстрела и, судорожно ища укрытия от дождя из осколков, спрятался под стол. Его версия Либби оказалась мстительна и несла разрушение. Взмахом руки она перевернула стол и, обратив силу притяжения вспять, заставила Тристана оторваться от пола. Он, вместе со стульями и книгами с полок, устремился навстречу потолку.

С огромным усилием, весь мокрый от пота, Тристан высвободился из магических пут, но, спасаясь от ярости Либби Роудс, рухнул на пол, к ее же ногам.

– Роудс... – начал было Тристан, но его жалкой мольбы как будто не слышали. Он быстро откатился к парящей в воздухе книжной полке и только так избежал беспощадного выстрела. Тем временем бежать стало почти некуда. Занавески полыхали, обивка мебели дымилась. Проекция Либби шагнула к Тристану, и он снова перекатился – прямо ей под ноги.

Либби запнулась. Равновесия не потеряла, но Тристан помог ей, сделав подсечку. Либби тут же утратила контроль над гравитацией в комнате. С треском, оставшись без ножек, рухнул на пол антикварный стол. Тристан, который уже перевернулся на живот, очень вовремя вскочил на ноги – на то место, где только что была его голова, рухнул стул. Либби перевернулась на спину и выпустила Тристану в спину нечто вроде прозрачной волны.

Похоже, в цель она попала, потому что Тристан вскрикнул одновременно от боли и ярости. Он развернулся с видом того, кого предали, и, не успев Либби встать на ноги, резко кинулся на нее и повалил назад на пол.

Комнату перекосило – по крайней мере, так казалось. Это Либби снова позволила себе вольности в обращении с физикой, приспособив под себя саму энергию. Тристана отбросило в сторону, как тряпичную куклу, но он вскочил и выдал какое-то полусырое заклятие, которое хоть немного да ослабило ответочку Либби. Комнату заволокло дымом, и в его плотных клубах едва угадывалось мельтешение – это Тристан, забыв о своих ограниченных магических силах, ринулся на Либби и впечатал ее в падающий книжный шкаф. Он налетел на нее так изящно и бережно, будто хотел не с ног сбить, а прижать к себе в порыве страсти.

Проекция Либби попыталась задушить Тристана, а он в ответ разразился хриплым безумным смехом и вырвался из захвата так резко, что Либби, падая, чуть не сложилась пополам. Вывернувшись, она ударила Тристана в грудь. Ее гладкая кожа блестела испариной; в глазах полыхало лихорадочное пламя, в спутанные, мокрые от пота волосы набился пепел... Будь она настоящей, уже лишилась бы сил, но такой ее видел Тристан, и в его воображении Либби Роудс неумоимо преодолевала один внутренний барьер за другим. И Тристан совершенно заслуженно отправился в полет по изящной, как полумесяц, дуге.

Приземлился он жестко, пробив по пути купол апсиды, и на ноги поднялся, весь утыканный осколками стекла. Тристан сплюнул кровь, которая струйкой стекала из уголка губ.

– Молодец, Роудс, – хрипло произнес он. – Отлично.

Ответила Либби так же, как ответила бы Париса, – пустила ему в грудь струю пламени. Тристан защитился ударом наотмашь, дочерна опалив себе кулак. Потом он призвал в руку осколок стекла и метнул его, но не попал: Либби распылила осколок прямо в полете, а получившуюся крошку швырнула назад, Тристану в лицо. Временно ослепнув, он еле открыл воспаленные глаза, чтобы наколдовать нечто слабое и сыплющее искрами. Проекция Либби его атаку отразила, нанеся в ответ несопоставимо мощный удар. Тристана отбросило словно чугунным ядром. С купола посыпались хлопья раскрашенной штукатурки, и, пока Либби шла к краю апсиды, они образовали вокруг ее головы подобие нимба.

В ритуальной проекции быстро сгущалась тьма ночи, повисла жутковатая тишина. На небе, едва различимые из-за витающих в воздухе хлопьев пепла, мерцали звезды. Выбор у Тристана был стандартный и не самый широкий: бей или беги. Точнее, всего один вариант, если учесть, как прискорбно он уступал в силе противнику. Погонится ли за ним проекция Либби, если Тристан побежит? Вряд он планировал это выяснять. В симуляции все замерло, только Либби медленно и торжественно шла к покрытому кровью, чуть живому Тристану.

Проекция Либби нависла над Тристаном, в жизни явно способным на большее, однако в мире ритуальной симуляции все перевернулось с ног на голову. Здесь не имела значения реальность – только муки Тристана, его боль и вина. Париса приготовилась, что сейчас ему нанесут чудовищный удар. Она чуть не отвернулась, когда Либби наклонилась и подняла с пола осколок стекла длиной и шириной с руку. Впрочем, все ужасы в голове Тристана наверняка померкнут по сравнению с тем, как Каллум затравит фантом Тристана в своей симуляции, – подводя к финалу, уготованному всем, кого он ломал эмоционально.

Тристан что-то там прохрипел: не то «прости», не то «спаси» – и закрыл глаза. Париса поморщилась. Тристан, не открывая глаз, натужно взвыл под ударом...

Проекция мигнула, будто симуляция дала сбой. Фантом Тристана пропал и...

Париса, прищурившись, подалась вперед. Живой Тристан, судорожно втянув воздух, очнулся в своем теле – он так и лежал на полу, там же, где упал в начале обряда. Пока Тристан с трудом переводил дух, Либби в его симуляции, вскочив на ноги, озиралась по сторонам, словно бы где-то посреди погрома еще пряталась некая не успевшая сбежать часть Тристана.

Тристан не сразу поднялся на ноги. Вид у него был помятый, хотя от полученных в симуляции ран не осталось и следа.

В том, как закончилась эта симуляция, Парисе виделось нечто странное. Схватка Нико завершилась вничью, Рэйны – предположительно смертью Парисы, тогда как симуляция Тристана продолжалась без него.

Париса взглянула на Атласа, который очень заметно подался вперед.

– Почему Роудс не исчезла, раз она убила Тристана? – спросил наконец Нико.

Пока все молчали, Далтон встал, быстро пряча брошенный в сторону Атласа смущенный взгляд.

– Ничего существенного, – сказал он, взмахом руки закрывая их окошко в ритуальную проекцию. – Обычная задержка, вот и всё.

Чушь. Париса раскусила ложь Далтона, потому что хорошо его знала. Тем временем Рэйна скосила на Парису взгляд, как бы ища подтверждения своим мыслям, но та никак не отреагировала, главным образом чтобы позлить Рэйну.

– Роудс не убивала Тристана, – сказал Каллум.

– Мы не видели, как Рэйна убила Парису, – заметил Нико. – Но симуляция завершилась, потому что Рэйна намеревалась убить, так?

Рэйна бросила на него испепеляющий взгляд.

– В данном случае Роудс – сама проекция, а не создатель, – напомнил Каллум.

– Верно, – поспешил вставить Далтон, даже слишком поспешил. – Да, все именно так.

– А, – сказал Нико, которого явно не удалось убедить. – Но...

– Мистер Нова, – обратился к Каллуму Далтон, – вы готовы?

«Что ты сделал?» – спросила Париса Тристана, и тот яростно, с негодованием взглянул на нее.

В мыслях у него, как обычно, полыхал бесформенный гнев, гремучая смесь злости, обиды и боли. Однако в этот раз Париса заметила еще кое-что, некую незнакомую структуру. Пролеск чего-то, больше похожего на искру, чем на пламя. Падение перед самым взлетом к вершине. Нечто упорядоченное, выстроенное как по сетке и доступное Тристану в мгновения отчаяния. Картинка первая: тело Либби Роудс на полу ее спальни. Картинка вторая: Либби Роудс, отраженная в пронзающем его осколке стекла.

Образ Либби в голове у Тристана внезапно рассыпался на множество копий, осколков или частиц, повторяющих знакомую траекторию. Париса чувствовала поддельность Либби-проекции, потому что она казалась фальшивой и Тристану. Это были волны, отражения, эхо. И каждое несло печать, которую Тристан распознавал подобно замаскированным чарами дефектам во внешности. Энергии, хлеставшей из Нико. Мороку, волнами исходившему от Каллума.

Париса понимала, что Тристан видит примененные чары, но то, что он увидел перед самой смертью в проекции, было другим. Некий портал, тоннель. Словно стоило Тристану закрыть глаза, и в комнате все скривилось, перестроилось, лишилось известных параметров, цветов, очертаний, элементарной плотности. Тристану удалось... нечто. Он что-то сдвинул.

Провалился куда-то.

«Время», – внезапно с ослепительной ясностью осознала Париса.

И моргнула, заметив, что пялится на Тристана.

– В чем дело? – пробурчал тот.

Нет, ну каков дурачок всемогущий. Впрочем, тарасилась на Тристана не только Париса. Атлас тоже не сводил с него взгляда, а через трещинку в его тщательно возведенной ментальной защите проскочил обрывочек некой мысли, отчаянной и приправленной чем-то опасным – колючим и неприкасаемым, предательски выдающим надежду.

Однако стоило Парисе это заметить, как в ту же секунду Атлас стряхнул с себя ее чары и взглядом дал понять, что знает о ее открытии. Выходит, здесь есть что открывать. Хранителя постигло какое-то ужасное несчастье, а Тристан – ответ на его поиски. Или – самое меньшее – указатель.

– Ни в чем, – ответила Тристану Париса и посмотрела на обмякшего Каллума. Вот-вот должна была появиться его проекция. – Все замечательно.

Каллум

Он уже приготовился увидеть Тристана, раз уж эта игра-ритуал манипулировала эмоциями. Отчасти он хотел увидеть его. К этой встрече Каллум был почти готов, заново пережив к тому времени день, когда единственный союзник – или друг, ладно, чего гадать попусту, – записал его в расходный материал, ну или – самое меньшее – предпочел бы видеть в гробу. С тех пор Каллум коротал ночи за бесконечными философскими репетициями, решая, что бы такое в очередной раз сделать, выпади ему шанс все повторить. Он мог бы повести себя благо-родно, возвышенно. Подняться над собой. «Нет, Тристан, я бы не смог. Причинить вред тебе? Да я скорее умру. Как тебе такое в голову-то пришло?» Проявить отвагу, и все такое. Вышло бы интересно, но не особо весело. Зато внесло бы заслуженную лепту в непрекращающуюся борьбу Тристана с собственной несостоятельностью. Теперь все чувства Тристана затуманились, и Каллumu это не нравилось. После столкновения в столовой Тристан ушел, не сказав ни слова, замкнулся в себе, лицемерно водрузив корону на голову. Все это делало Каллума главным злодеем.

Как будто решение Тристана убить Каллума – не предательство только потому, что он потом передумал. Как будто все, чем Каллум делился с ним: каждой сокровенной мыслью, личным признанием, – это ложь, а если не ложь, то пустячок, растереть и выбросить.

Страшнее, прикинул Каллум, будет столкнуться с Нико. Физическими силами Каллум управлял плохо и не выдержал бы даже слабого землетрясения, а самое поганое – у Нико не было эмоциональных травм, которые можно было бы использовать. Да, он потерял Либби, но вряд ли сокрушался по этому поводу. К тому же Нико питал безумную веру в то, что Либби еще жива, и это никак не годилось в качестве рычага управления. Вот Рэйну хотя бы не отпустило что-то по-настоящему мрачное, нечто из прошлого, что она бережно спрятала в клетку и заморозила во льду. Нико же был сосредоточен исключительно на светлом будущем, и над близким горизонтом для него всегда светило яркое солнце.

И вот, когда перед Каллумом развернулась проекция, он приготовился либо раздражаться, либо тревожиться. Ждал он, как ему показалось, долго.

Так долго, что успел налить себе выпить и устроиться на диване в раскрашенной комнате. – Ну и, – прозвучало у него за спиной, – сам скажешь им или мне это сделать?

Услышав знакомый голос, Каллум чуть не поперхнулся, и скотч обжег ему горло так, что брызнули слезы. Этот голос постоянно звучал у него в голове нестихающим скрежетом. Надменный, напыщенный, с растянутыми гласными.

– Я быстро управлюсь, – пообещала проекция. Краем глаза Каллум увидел рукав кашемирового свитера серо-зеленого цвета.

Любимый цвет матери.

Он вроде как подчеркивает оттенок ее глаз.

– Значит, так, – сказала его же проекция, налив себе и усевшись напротив. – Давай будем откровенны с самими собой.

Проекция в ожидании замолчала, и надолго установилась тишина.

Затем проекция хмыкнула:

– Значит, скажу я. Отлично. Ты никому не нужен, особенно самому себе.

Чувствуя в горле неприятное жжение от скотча, Каллум смотрел на себя, на того, кого даже не думал увидеть, а ведь это и был наихудший сценарий. Все иллюзии, которые он когда-то на себя наложил, были на месте, но при этом выглядели как-то топорно, поддельно и выпирали настолько заметно, что любой их распознал бы. Призванные навести красоту, они стремились к ней, но так и не достигали цели. Совсем как в представлениях самого Каллума.

Тут он вспомнил, что Атлас Блэйкли тоже следит за ним, и подумал: «А...»

Не убить, так хоть поиздеваться.

– Дело в том, – продолжал он-проекция, закинув ногу на ногу, – что они, знаешь ли, правы. Тебя не должно быть. Есть в тебе нечто неправильное, и ты, к своей чести, всегда это знал. – Проекция пригубила напиток и молча посмотрела на Каллума. – Остановишь меня? Ведь если нет, – предупредила она, – все они узнают, что ты подделка. Не то чтобы это имело значение. Они все равно тебя ненавидят.

Фантом рассмеялся в его собственной гнусной манере и допил остатки скотча из стакана. Со стороны этот хохот казался еще более гадким.

– Твоя беда, Каллум, именно в том, на что указал Атлас Блэйкли. У тебя нет воображения, – сообщила проекция, неожиданно поднимаясь на ноги. – Вспомни наказания, которым ты кого-либо подвергал. То же ты проделываешь сам с собой ежедневно. Каждую минуту. Твоя боль хроническая. Твое существование не имеет смысла. И когда твое сознание погаснет, а оно погаснет, – дерзко подмигнула проекция, поднимая пустой стакан, – то станет казаться, будто тебя и не было вовсе. Как только твое влияние сгинет, не останется ни любовников, ни семьи, ни друзей – никого, кто помянул бы тебя добрым словом. О тебе не останется теплых воспоминаний, кроме тех, что ты сам вложил им всем в головы, да и те бесследно растают, едва тебе наступит конец. Тебя забудут тотчас же, а эта твоя безграничная сила, эти твои громадные способности, – пояснил с усмешкой фантом, будто ему доставляло особое удовольствие давить именно на эту болевую точку, – совсем не пустяковые, кстати, пропадут к чертям в тени того, насколько ты вопиюще, абсолютно бестолков. Перестав существовать, ты ничего после себя не оставишь.

Каллум-проекция скорчил гримасу отвращения и беззаботно отшвырнул стакан, который, упав, не разбился, а развеялся, словно пыль на ветру.

– Всякий, кто взглянет на тебя, станет свидетелем финала твоей трагедии, – глумливо сказала проекция. – Но при этом никто не взгрустнет.

Настоящий Каллум некоторое время смотрел на стакан у себя в руке.

– Все твои потуги основаны на заблуждении, будто хоть что-то из этого для меня новость.

– Потуги? Нет, все это легко, – ответила проекция, паясничая в лучших традициях самого Каллума.

– Ну и что тебе нужно? Чтобы я сам себя уничтожил?

– Разумеется, нет. Как ты не видишь? Мне плевать, что ты с собой сотворишь. Всем плевать. Мне все равно, будешь ли ты жить или сдохнешь. Разве не очевидно?

– И как же мне тогда победить? – равнодушно спросил Каллум.

– Ты не победишь. Это не игра, не проверка. Это просто твоя жизнь. – Его альтернативное «Я» беспокойно прошло к камину и коснулось часов на полке. – Никто не побеждает, Каллум. Никто не проигрывает. Ты понимаешь это как никто другой. Все умирают. – Фантом обернулся. – В конце концов умирает все.

– Смотрю, я – прямо душа компании, – сухо заметил Каллум.

– О, еще какая, – согласился он-проекция, снова оборачиваясь. – Но это, собственно, и все. Душа компании. Держишься непринужденно, легко идешь в ногу со временем: со своими тревогами, скукой и неразборчивой злобой. Ну разве не жутко весело? – передразнила его проекция. – Твоя отстраненность, размышления о мире... все это очень забавно, не так ли? О, люди ужасны. – Фантом театрально поднес руку ко лбу. Этот гнусавый голос был голосом самого Каллума, но раздражал нахальностью тона. – Они слабы, несовершенны, интересны только своей ужасной хаотичностью, и мы их ненавидим, однако не за то, какие они скучные и предсказуемые. – В этой улыбке, улыбке самого Каллума, так и сквозило лицемерие. Проекция понизила голос и, хищно глядя Каллуму прямо в глаза, сказала: – Все потому, что они такие мелкие, кошмарно непримечательные, ничтожные, примитивные и глупые, но все равно не потратят и унции своей любви на тебя, как бы отчаянно ты ее ни желал.

У Каллума пересохло в горле, и он рассеянно отпил скотч.

– Конечно же они тебя не любят, – рассмеялся фантом. – А если бы и любили, то как узнать, не сам ли ты привил им это чувство?

Каллум в ответ лишь сложил руки на колене. Париса там, наверное, уже ликовала. Но есть и плюсы: Тристану, с его бесконечными приключениями в экзистенциальном болоте, наверняка стало чуть легче.

– Расскажи им, как все устроено, – предложила проекция, и в ее невыносимо синих глазах блеснул огонек безрассудства. – Расскажи, как это больно. В конце концов, тебе выпал шанс. – Ее лицо осветилось злорадством. – Или можешь поведать им правду. Откуда ты все о них знаешь. Как библиотека раскрыла тебе их подноготную, обо всех скелетах в шкафах и мелочах. Скажи то же, что и Тристану, раз уж на то пошло. – Снова этот грубый смешок. – В кои-то веки можешь и честность проявить, Каллум. Если они и выслушают тебя, то сейчас.

Это, конечно, была какая-то ловушка. Каллум без малейшего сожаления понимал, что остальные невысокого мнения о его способностях и считают его физическую магию весьма ограниченной. Но ведь физика повсюду, разве нет? Все они – физические существа, а не аморфные пузыри. И раз уж ты живешь в физическом теле, подчиняясь законам физики, это уже накладывает на тебя некие исходные ограничения: магия – это вопрос перехода и преодолений. Все просто: нельзя создать нечто из пустоты, как не создать пустоту из чего-то.

Когда остальные видели Каллума в деле, они просто не понимали, что такое они, собственно, видят. Весь год они наблюдали уже готовые результаты: нервность Либби, поражение Парисы, ненависть Тристана – это были единственные доказательства того, что Каллум в принципе наделен магическим даром. Все остальное они узнавали с чужих слов и пояснений. Ослабляя тревогу Либби, Каллум взял ее на себя. Облегчая и меняя боль Тристана, нашел в себе силы сдержать ее. Что до Парисы...

С ней на самом деле оказалось не так уж и трудно работать. В конце концов, она мало чем отличалась от Каллума, и чего остальные не видели, так это того, как легко, без усилий Каллум подводит ее к переломному моменту. Они-то думали, будто видят его манипуляции, хотя на деле им открывалась упрощенная правда Парисы – такая, с которой невозможно жить, если искусно и упрямо ее не подавлять.

Вот только за свою магию Каллум платил высокую цену. Например, создавая вакуум для защиты домовых чар, он опустошил сам себя. Творя жидкую прослойку внутри чар Общества, он был вынужден поглотить все, что наполняло это Общество прежде: ужас, тревогу, тоску, одиночество, зависть, гордыню... И все эти чувства затем распирали его, вырываясь из груди, прожигая этот сосуд; и не важно, кем был или не был Каллум Нова, восстанавливался он очень медленно. Ему, как и простому смертному, требовалось время.

Именно Каллум позднее собирал себя по кусочкам. Не то чтобы кто-то знал об этом и тревожился, но и Каллума это не сильно заботило. Жалости он предпочитал ненависть, а милосердию – недоверие. Последнее – вообще дым, кисея, тонкая мембрана, в которую тебя пеленают как в кокон. Медленно, постепенно, пока не начнешь задыхаться.

Уловив эту волну чувств, которой Каллум по недоразумению позволил подняться, его проекция продолжила паясничать:

– Думаешь, они знают, что значит любить по-настоящему? Ведь любовь – это не просто радость и нежность. Это же дикое и разрушительное чувство. Надо вырезать сердце у себя из груди и отдать его кому-то другому. – Фантом скосил взгляд на Каллума, но тот не поднял головы. – Забота о ком-то или о чем-то неизбежно связана со страданием. Что такое, в конце концов, сострадание? – Проекция Каллума выдержала эффектную паузу, словно готовясь произнести финал шутки, ведь некоторая доля шутки в этом и правда была. – Переживать то же, что и кто-то другой, значит изводить себя двойной болью, – беззаботно, словно поднимая бокал на домашней вечеринке, проговорила она. – Все эти незначительные мелкие эмоции, досадные

минусы сосуществования, которые ты якобы так ненавидишь. Когда их меняешь, ты должен к чему-то прийти. Не так ли?

– Должен прийти, – непринужденно повторил Каллум просто из вежливости.

– О, и это, конечно же, бремя, – заверила его собственная проекция. – Ежедневные муки будничного существования. Желание недоступного, дорога, на которую тебе нельзя свернуть, и прочее в том же духе... Все это подчинение коллективному менталитету, некая атавистическая схема в твоей генетике. Вроде миграции китов, – вслух размышляла она, – или животного импульса к спариванию, который мы время от времени испытываем.

Каллум взглянул на пустой стакан в руке, прикидывая, не выпить ли еще.

– Мне кажется, что даже такая прорва дерьма внутри не больно-то нас обременяет, – вкрадчиво сказал он.

– Может быть, – согласилась проекция и замерла. – Ты что, пытаешься мной манипулировать?

– Разве? – Каллум выпрямил сведенные судорогой пальцы. Как и в условиях любой хронической болезни, жизнь для него была вопросом приспособления к боли, а не какого-то там мифического, недостижимого избавления от нее. Фишка в том, чтобы играть с болью до тех пор, пока она не перестанет донимать.

– Не поможет, – сказала проекция невыносимо снисходительным тоном.

– Ну что ж, – Каллум притянул к себе бутылку виски, решив, что стакан для него – это смехотворно мало, – ты должен признать, что попытка того стоила.

Проекция невесело улыбнулась.

– Ты рассказал им, как научился этим пользоваться?

– Чем – этим? – задал риторический вопрос Каллум, почти сумев изобразить блаженное неведение. (Он уже давно привык использовать дозированное притворство в общении с середнячками.)

– Своей магией, – презрительно улыбнулась его проекция. – Своими... способностями.

– Нас постоянно учат эмпатии: не жмись – поделись и тому подобное...

Его другое «Я» нетерпеливо цокнуло языком.

– Ты тратишь свое время.

– Вот как? – Каллум махнул в сторону симуляции рукой, в которой держал бутылку. – Кажется, у меня его полно.

– Ты знаешь, о чем я.

– Да, знаю. Я всегда знаю, кто что имеет в виду. – Каллум сделал большой глоток, прикрыв глаза. – Точно как Париса всегда знает, о чем думают мужчины, глядя на нее, и не важно, какую лапшу они ей на уши вешают. А знаешь, я ею даже восхищаюсь, – добавил он не без подлинной уверенности. В конце концов, она же их слушает. – Знать, какие люди на самом деле, и не разрушать их, – это просто дико удивительно. У нее исключительная выдержка. – Хотя как раз по этому качеству восхвалять стоило бы Рэйну. Из них пятерых она единственная была способна на подлинное равнодушие.

– Ты ведь тоже знаешь, какие на самом деле люди, – заметила проекция. – Правда?

Это был еще один риторический вопрос и, возможно, ловушка, но Каллум все равно ответил. Почему бы и нет?

– Думать, как думает другой, и чувствовать, как чувствует другой, – это несопоставимые вещи. Говоря на языке спорта, это две разные дисциплины.

– Потому что чувства слабее мыслей? – передразнила проекция. – Тебе-то откуда известно?

– Нет, просто чувства людей куда человечнее их мыслей, – уточнил Каллум и, прикрыв глаза, выдохнул. – А чем человечнее что-либо, – пробормотал он, – тем оно слабее.

Немного помолчав и почувствовав скуку, Каллум распахнул глаза.

Проекция в ожидании следила за ним.

– Я так понимаю, ты ждешь, что расскажу аудитории о своих слабых местах? Всё же просто, – сухо произнес Каллум. – Они те же самые, что и у компьютера, который перегружает систему, запустив слишком много приложений. Забудешь меру – и все зависает, сбоит и дохнет. – Он немного сполз по дивану и снова отпил из бутылки. – Границы у моей магии те же, что и у моего тела, – сказал Каллум, пытаясь хоть как-то объяснить. – Это вопрос выбора: либо ты силушкой балуешься, либо о выживании думаешь.

– Но ведь ты никогда толком силу не использовал, – напомнила проекция. – Возможно, забыл, – добавила она, – что за твоим природным талантом скрывается нечто весьма заурядное.

Каллум снова опустил взгляд на костяшки кулака, поразмыслив над болью, которая до сих пор время от времени его посещала, особенно после того эксперимента, который он провел над Тристаном тем вечером в столовой, когда ради спора, лишь бы доказать свою правоту, слегка перегнул палку. Пустил в ход лучшие (и худшие) грани своего таланта и выкрутил в Тристане ручку страданий до запредельных значений, а потом, не утруждаясь предосторожностями, все отменил.

Иногда после таких фокусов его скручивало артритом, но чаще он зарабатывал иммунодефицит. В идеале после таких случаев ему следовало бы отгородиться от всех на несколько дней, а если можно – то на недельку-другую. Сейчас, когда Каллума все избегали, это оказалось вполне реально.

Как ни смешно, но именно Роудс и, возможно, еще Варона лучше остальных в классе поняли бы, с чем сталкивается Каллум, пользуясь магией. Либби осознала бы природу сил, которыми он жонглирует, создавая порядок из хаоса, сумела бы вообразить, какая мощь требуется для столь невообразимых термодинамических процессов, если бы рассматривала умения Каллума именно с такой позиции. Обращение энтропии³ вспять, создание эмоции на пустом месте имело вполне физическое выражение: Каллум выдавал энергию, вбирая хаос.

И все же действовать с элегантностью бульдозера было не совсем уместно, особенно если Каллум хотел победить в заведомо проигрышной битве за симпатии четверых болванов, которым плевать, жив он или мертв.

– Излагай уже, – сказал Каллум. – Вижу, к чему ты клонишь.

– Сам излагай, – ответила проекция.

Каллум снова прикрыл глаза, посмеиваясь.

– Правда? И завершить этот восхитительный разговор?

– Нет, – произнес его фантом, – он никогда не закончится. Для других я исчезну – это да, но...

Не раскрывая глаз, Каллум ощутил, как проекция опускается перед ним на колени.

– Для тебя я никогда не исчезну, – прозвучал в ушах Каллума его собственный голос.

Какая драма. В горле у Каллума пересохло, и он сделал еще глоток.

– Говори, – велела проекция.

Каллум устало вздохнул. Как же все это его утомило. Неудивительно, что людям иногда невыносимо его слушать.

– Ты же не подсыпал сюда отравы? – спросил он, указывая на небольшой остаток пойла в бутылке.

– Говори, – повторила проекция.

Не ритуал, а какой-то фарс в чистом виде. На кой он вообще? Просто ради публичного унижения? Тут нет победы, нет поражения. Даже магию не задействуют. Есть только ты сам и понимание того, что с тобой наедине оставаться не хочется; до ужасного смешное открытие.

³ Термин «энтропия» применяется в целом ряде наук, но впервые был использован в термодинамике и обозначал меру необратимого рассеивания, бесполезной потери энергии.

Кто вообще захочет сознательно провести с самим собой время? (Либби Роудс и это наверняка поняла бы.)

Каллум снова надолго приложился к бутылке в ожидании, когда же наконец эта тягомотина завершится. Может, просто взять и помереть здесь? Каллум мысленно быстро сосчитал до трех, гадая, сможет ли заставить себя исчезнуть.

В этот момент что-то промелькнуло у него перед глазами. Какая-то вспышка, резкий проблеск звездного света. Судьба снова оказалась на его стороне. Наконец-то удача.

Каллум взглянул на нож, который невинно лежал на столе. А, так вот какой у него, значит, выбор. Говори сейчас или покончи со всем. Поистине театрально. Ну прямо в его духе: единственный шанс на спасение – комедия ошибок и изысканной боли.

Каллум взял нож и присмотрелся к отражению в лезвии в отблесках пляшущего света пламени очага, а потом провел вдоль кромки большим пальцем, восхищаясь оставленным следом.

Его фантом смотрел самодовольно и с пониманием.

– Это не навсегда, – сказал он.

Да, не навсегда. Каллум видел лишь один способ покончить с этим.

– Больно, – вслух признался он. Унижение язвило, кололо шипами собственного злорадства. – Получается, – пояснил Каллум, снова закрывая глаза, чтобы никто не увидел в них пустоту и фальшь, – я причиняю боль.

Он не открыл глаз, но услышал, как его проекция поднимается с колен. Она забрала нож и бутылку, шумно сделала глоток и уселась по правую руку от Каллума. Два сапога пара.

– Всем плевать, – сказал он себе не зло и не тепло. А потом наконец проснулся.

III Происхождение

Нико

Сначала часы тянулись невыносимо долго, и невозможно было дожидаться конца очередного дня, а потом вдруг оказалось, что прошло уже несколько недель. Нико даже стало не по себе. После исчезновения Либби время напоминало ему своевольного кота, который томно потягивается и зевает, пока ты на него смотришь, а отвернешься – уносится прочь, только его и видели.

Нико спал, ел, читал – и так каждый день, если не считать вчерашней церемонии посвящения. Казалось бы, ерунда, но дни проносились мимо, а исчезновение Либби становилось все дальше, как объект в зеркале заднего вида. Поначалу Нико всех тормозил, потом вежливо просил и строил научные гипотезы, но бросил эти попытки, когда понял, что никто не в силах ему помочь. Роудс столько лет регулярно доставала его оскорблениями и занудством, что Нико иногда казалось, что вот он свернет за угол и снова увидит ее – безбожно сгорбившуюся над какой-нибудь засаленной книгой. Нико все отдал бы за возможность прервать ее занятие ехидным замечанием или закинуть ноги к ней на стол, просто из желания посмотреть, как онаотреагирует. Он даже придумал, что именно скажет: «Роудс, не многовато ли выхлопов для одного утра? А как же озоновый слой? А деревья?»

Однако Либби пропала с концами. По крайней мере, найти ее так и не удавалось. Так что, похоже, ничего сказать ей больше не получится.

И вот когда уже стало казаться, что проблемы не решить, как в одном из снов пришел Гидеон, самый большой умник во всем универе.

– Ну, – произнес Нико, после того как Гидеон бегло поинтересовался его делами. (Как у него дела? Как дела?! Серьезно?! Нико просто офигел от этого вопроса.) – Я из-за тебя весь извелся.

– Просто это меня здорово забавляет, – ответил Гидеон, похлопывая по бессменной решетке. Он как будто посвежел, словно сама возможность оторваться, помогая своему самому бесшабашному другу, благотворно сказалась на его внешности.

– А может, – добавил Гидеон, – это из-за того, что последние десять минут ты препирался с кем-то из посвященных членов Общества. Кто такой, кстати, Тристан?

Всего лишь самый непоследовательный и угрюмый хрен на свете. Нико вот уже несколько недель пытался подобрать подход к Тристану, но тот неизменно при помощи одного только Злобного Взгляда посылал его далеко и надолго. Казалось бы, после исчезновения Либби Нико и Тристан должны стать союзниками. Так разве им не стоило бы установить хорошие отношения? Нет, конечно. Нико, какой же ты дурак. Очевидно, что Тристан способен лишь на то, чтобы без объяснений неблагодарно отталкивать того, кто не сделал ничего плохого, и просто вовремя (!) с ним согласился. Впрочем, речь совсем не о том.

– Тебе ничего из этого знать не положено, – вздохнул Нико, снова убедившись, что Гидеон к его десятиминутной (как минимум) болтовне прислушивался внимательней любого нормального человека.

– Чего именно? Что ты знаешь человека по имени Тристан или что вы теперь все – посвященные? – холодно спросил Гидеон. (Вот же мерзавец.)

– Ничего из этого, – пробурчал Нико, бросая взгляд на камеру наблюдения в верхнем углу клетки. Даже в пространстве снов имелись эти прибуды, подкрепляющие мощные теле-

патические чары, которые наверняка кто-то да контролирует. («Париса? Вряд ли», – невольно подумал Нико. Хотя возможно; он многого о ней не знает. Или же она просто любит подглядывать, чего тоже нельзя исключать.)

– Что тебе пришлось совершить на церемонии посвящения? – спросил Гидеон. – Человеческое жертвоприношение?

Не в этот раз.

– Так, просто сыграл в одну симуляцию.

– Просто сыграл? – Гидеон вздернул бровь, открыто демонстрируя скепсис, и Нико, который, честно говоря, не заслуживал такого недоверия (сегодня), тяжело вздохнул.

– Ты правда так мне не доверяешь, Сэндмен?

– Тебе? Нет, Ники, в тебе я не сомневаюсь. – «И на том спасибо», – подумал Нико, который, если верить Парисе, в принципе неспособен на коварство или любое другое смутно оскорбительное подтверждение отвратительной человеческой натуры. – А вот насчет твоего Общества меня по-прежнему терзают кое-какие сомнения, – пояснил Гидеон. – Неужели что-то в том процессе и правда заставило тебя поверить, будто условия избрания зависят от какой-то там игры?

– Ну, до нее случилось кое-что другое, – попытался отговориться Нико.

– А, – холодно протянул Гидеон, – это ты про игру с убийством? Дабы шестеро стали одним, – с театральной напыщенностью, нараспев произнес он, – один должен... – драматическая пауза. – ... умереть?

– *Arrête* ⁴, – сказал Нико.

– *Nunca* ⁵, – ответил Гидеон.

– Это была не, – вздохнул Нико, – игра с убийством...

– Я не твои хобби судить пришел, – проговорил Гидеон беспощадно чопорным тоном.

– Суть в... – Нико осекся. – Прости, а о чем мы?

– О чем ты – ни малейшего понятия. Я же хотел сказать, что для тебя ритуал ничего не меняет. Он куда важнее самому Обществу.

– Сомневаюсь, – пожал плечами Нико. – Мне это показалось просто проверкой.

– Проверкой чего?

– Я... – Нико снова взглянул на камеру наблюдения, а потом взял и послал предосторожности куда подальше. – Послушай, – пробормотал он, – если тебе так надо знать, это была симуляция. Нас сталкивали друг с другом в парах.

Гидеон многозначительно нахмурился.

– И ты сошелся с Тристаном?

– Что? Нет. – С Тристаном сошлась Париса в последнем раунде. Это стало разочаровывающим окончанием дня, если учесть, что едва Париса оказалась в симуляции, как сразу же села на пол и, завязавшись в лотос, стала медитировать. Ее версия Тристана сделала... нечто, чего Нико совершенно не понял, но что сильно смутило настоящего Тристана. Зато Париса как источник проекции медитировала себе дальше, не прибегая к магии, а симуляция через несколько минут завершилась.

– Меня свели... с другом, – ответил Нико, едва не выдав имя Рэйны. – Со спарринг-партнером, если точнее.

– И вы... дрались?

– Да. – Если учесть все обстоятельства, это было нормально. – Все прошло хорошо.

– Вот как? – спросил Гидеон, вновь с солидной долей сомнения.

⁴ Стоп (*фр.*).

⁵ Ни за что (*исп.*).

– Что ты вечно ко мне придираешься? Все прошло хорошо, – настаивал Нико. – Потом нас попросили определиться с темой самостоятельных исследований...

– Расцеловали в лобик и подоткнули вам одеялки, – закончил за него Гидеон.

– В принципе, да.

– Понятно. Ну что ж, я уверен, вы просто играли, как тебе и показалось, а не стали частью продолжающегося эксперимента по внушению вам идеологии академии убийц.

– Да, спасибо, согласен. И потом, Рэйна замечательно все пере... – Твою же мать.

– Рэйна, – эхом повторил Гидеон, всматриваясь в лицо Нико, на котором прямо было написано: святые яйца, снова облажался, – и решил, что сейчас самое время изобразить невинность. – Принято.

Нико сокрушенно вздохнул. Теперь, когда Гидеон в целом знал про Общество, Нико то и дело забывал держать рот на замке. Такими темпами он признается, что это он сожрал остатки «нутеллы» во время экзаменов на первом курсе. (Ха, фигурки, он скорее умрет.) Но выбор был либо рассказать Гидеону обо всем, чтобы тот помог отыскать Либби, или...

– Ладно, забудь, я тебе ничего не говорил, – напомнил Нико, а Гидеон едва заметно пожал плечами: мол, уже забыл, говори дальше. – Работа академиком-убийцей на полную ставку реально сводит с ума.

– О, реально. – Гидеон немного помолчал и подумал. – А знаешь, я вроде бы ни разу не спрашивал: если бы тебя отправили убивать кого-нибудь, кого бы ты выбрал?

– Предполагаешь, что это не меня послали на дело? – изобразил обиду Нико.

– Если нравится, можешь считать это предположением, – разрешил Гидеон. – Я, со своей стороны, называю это констатацией факта.

– Я бы смог убить человека, – твердо сказал Нико. Он уже прежде убивал. Не где-нибудь, а дома.

– Знакомого? – вытаращился на него Гидеон.

В чем-то это было оскорбительно. Правда, в чем именно, Нико не понимал.

– В смысле, я бы смог...

– Но не стал бы.

– Я... – Ей-богу. – Слушай, как бы там ни было, я бы запросто убил того, кого мы собирались устранить, – сказал Нико, никогда не любивший Каллума. – Хотя, если бы знал, что он все равно останется цел... о, черт, – запоздало спохватился Нико, выдавший очередную порцию закрытой информации.

– Любопытно, – произнес Гидеон, который так и взирал на друга с чопорным видом. Однако на сей раз он еле сдерживал улыбку, до приторности пропитанную теплом. – Значит, он все еще жив? Продолжай.

– Ладно, допустим чисто теоретически, что он жив, – с оптимизмом попробовал возразить Нико, на что Гидеон ответил, пожав плечами: мол, конечно, как скажешь. – Я бы совсем не был против, если бы он... перестал оставаться в живых.

– Это не то же самое, что приговорить его к смерти.

– Ну-у-у... – Ладно, если речь и правда о том, заслуживает ли кто-то места в Обществе, – хотя с самого начала никаких «если» для Нико не было, – то среди них присутствовал кое-кто, на минуточку, необходимым талантом не обладавший. И это не Каллум. – Ладно, забей, – произнес наконец Нико, решив на какое-то время забыть о том, насколько же невыносимо противным бывает Тристан Кейн (и как он любит напустить туману).

Обижаться на него смысла нет. Тристан не только выжил, он еще и оказался куда полезнее, чем предвидел Нико. Или не оказался; тут уж как посмотреть на то, что он разглядел, чем на самом деле являлось тело Либби Роудс, – ведь он потом этим знанием никак не воспользовался.

– Дело в том, – сказал Нико, – что теперь мне можно изучать что угодно.

– А именно?

– Тебя, *idiot*.

Гидеон выгнул бровь:

– Собираешься представить меня всему классу?

– Ну, не совсем. Не надо утрировать. – Заняться эволюционной биологией Нико посоветовала Рэйна. Впервые она заговорила об этом спустя где-то неделю после небольшого эксперимента, во время которого они с Нико создали искру жизни. Нико хотел поднажать и выяснить, что именно Рэйна имела в виду, однако в тот момент спрашивать о таком казалось нелогичным: вдруг Рэйна хотела поизучать темную материю или еще что-нибудь, нечто полезное для нее? Хотя она по своей природе была очень рассудительной. Нико хотелось обсудить с ней один вопрос с самого ритуала посвящения, но она отстранилась и вела себя рассеянно, будто мыслями пребывала где-то в другом месте.

– Ладно, короче, – сказал Нико, покашляв и возвращаясь к теме, которую они хотели обсудить изначально. – Ты говорил, что почти нашел ее. Роудс.

Гидеон ответил не сразу. Видимо, хотел еще обсудить Общество. Нико затаив дыхание ждал, и вот наконец Гидеон уступил.

– Думаю, да, почти, – кивнул он. – Внешняя форма мне неизвестна.

– О... – Царства снов по большей части не имели определенной формы. Гидеон и прежде пытался растолковать это: мол, сны – функция коллективного подсознания, ля-ля-тополя... Нико, не дослушав, всегда вдруг вспоминал, что голоден... Кстати, ему почему-то захотелось португальских ватрушек, тех самых, из пекарни, в которую они с Гидеоном и Максом навывались по средам (где-то он вычитал о монастырском происхождении этих вкусняшек ⁶, и с тех пор среда для него стала таким священным днем). Однако суть в... гм. – Погоди, что?

– Могу сказать, что это сознание Либби, – пояснил Гидеон. – Но я не знаю, где она. Конечно, если, – добавил он, – она и правда «где-то» есть.

– О... уже кое-что. – Особенно если вспомнить, что Париса не смогла отыскать и следа Либби Роудс. – Ну и каков план? – спросил Нико, с трепетом предвкушая действие. – Собираешься заглянуть в ее сны или как?

Гидеон склонил голову набок, возможно решая, стоит ли вдаваться в подробности.

– Все не так-то просто, – произнес он наконец. – Я не могу взять и без предупреждения заскочить к ней, сообщить, что мы ее ищем. Чего доброго напугаю.

– А по-моему, это ее приободрит. Пусть знает, что ее ищут.

Гидеон покачал головой.

– Во сне она – вне своего сознательного «Я», – напомнил он. Нико пожал плечами, он уже это слышал, просто забывал учитывать. – У нее нет твоих навыков работы с подсознанием. И так сразу не скажешь, в курсе ли она, что ее... ну, сам знаешь... – Гидеон не договорил.

– Похитили? – подсказал Нико. – Украли – это как-то по-детски.

– Конечно. – Гидеон пожал плечами. – Так что, думаю, ситуация требует тонкого подхода. Верно. И это не по части Нико.

– Насколько тонкого?

– Я бы не стал... ну, знаешь, – Гидеон снова пожал плечами, – взламывать ее мозг.

– Верно. – Вот это по делу. Каким бы пробивным медитом ни была Либби Роудс, с лишними эмоциями справляться она не умела. (Переживать и правда было из-за чего.)

– Откуда ты тогда знаешь, что это она? – спросил Нико.

– Секрет фирмы. – Так обычно Гидеон отвечал, не желая напоминать: мол, моя магия не человеческая, тебе ее не понять, поэтому перестань спрашивать, заранее спасибо. – Да и времени на то, чтобы к ней пробиться, может потребоваться много.

⁶ Скорее всего, речь о «Желтках святой Терезы».

– Почему? Это так трудно?

– Не то чтобы... – Гидеон снова помолчал, размышляя. – Ей просто надо меня... принять.

– Принять тебя?

– Да, принять возможность того, что я могу ей присниться.

– Так ведь это... – Нико приуныл, – невозможно.

– Еще как возможно, Николас. Ты забываешь, насколько я одарен.

– Этого я никогда не забываю, *mon ami*⁷, – с жаром ответил Нико. – Задача невыполнима просто потому, что Роудс – неврастеничка и неудачница, которая ни во что не верит.

– А... да, веский довод. – Гидеон ненадолго встревожился. – Тогда, думаю, это займет еще чуть больше времени. Зависит от того, как часто она спит и видит сны.

– Ну хоть скучать тебе не придется, – сказал Нико, изо всех сил стараясь не поддаться обреченному настроению, из-за которого сосало под ложечкой. – Было бы неприятно думать, как ты там без меня сидишь и, весь такой потерянный, плюешь в потолок...

Он невольно осекся, а точнее, неожиданно осознал, насколько близко подошел к истине. Это ведь он без Гидеона, весь такой потерянный, плевал в потолок. После исчезновения Либби все стало только хуже. Нико чувствовал себя изолированным. Для человека, всю жизнь старательно избегающего одиночества, сейчас он к этому одиночеству оказался как никогда близок. Отсутствие Либби каким-то образом проделало дыру в ткани его реальности, и в это отверстие стали видны разные мелкие уязвимости, о которых он даже не подозревал.

Не прозвучало ни слова, но и Нико, и Гидеон поняли все одновременно. Черты лица Гидеона смягчились, и теперь смотреть на него было невыносимо. И столь же невыносима была теплота его взгляда.

Именно поэтому в отчаянной попытке восстановить равновесие во вселенной Нико спросил:

– С матерью общался?

Сказано было в шутку, но к месту. В конце концов, Гидеон же обращался к Эйлиф, этой своей русалке-преступнице (если так подумать, то называться матерью она не заслуживала) за сведениями о том, где пропадает Нико. Он сколько угодно мог потом утверждать, будто бы не заплатил за сведения непомерной цены, но ведь и дурак поймет: просто так они ему не достались бы. Учитывая, что Эйлиф якшается с бандитами, готовыми убить ради шанса использовать Гидеона, такая услуга становилась дареным конем, который и в зубы-то себе заглянуть не даст – сразу пальцы отхватит.

– Я снова под защитой твоих чар, – осторожно, даже слишком осторожно ответил Гидеон. – Ей меня не достать.

Уж так тщательно он подбирал слова, и это наводило на мысль о том, что некто очень глупый (Гидеон) совершил не менее глупый поступок (связался с мамашей).

– Это не ответ, Гидеон.

– Ответ, – с несвойственной для себя холодностью произнес Гидеон, – наполовину.

Неожиданно. Впервые за время разлуки Нико показалось, что год недомолвок подточил саму основу их с Гидеоном дружбы. Да, во имя общего блага они, бывало, говорили друг другу полуправду (или не сообщали ее совсем), однако этой конкретной шпильки Нико заслуживал полностью. Он оскорбил Гидеона, не рассказав про Общество, и теперь, когда пропала Либби, ему стало понятно: ставки, о которых он умолчал (включая, но не ограничиваясь вероятностью гибели, расчленения и/или пропажи), слишком высоки для игр в секреты. Нико правда заигрался и все равно считал дело пустячным. Напрасно. Гидеон наконец осознал, сколько ему всего недоговаривали, и между ними с Нико выросла стена.

⁷ Друг мой (*фр.*).

– *Je suis désolé*⁸, – попытался оправдаться Нико. Ему вдруг лихорадочно захотелось толкнуть Гидеона плечом в плечо или коленкой в коленку. Что они там говорили про тех, кто легко переживает крупные потери, тоскуя по крохотным? По мелочам, пустячным увещеваниям, из которых состоял их особый язык. Культура их собственной крошечной нации, которую в последнее время то и дело бомбили.

– Не о чем жалеть, – сказал Гидеон. – Я понимаю, почему ты так поступал. Почему утаил правду об Обществе. Это не твоя тайна, и не тебе ее разглашать.

Нико скривился. Он много чего не имел права разглашать и тем не менее только так выдавал чужие секреты.

– Ты меня не прощаешь, да?

– Кто сказал, что тебе это нужно?

Одним взглядом Нико выразил все оскорбления, какие мог придумать, и Гидеон вздохнул, покачивая головой.

– Дело не в прощении, – деликатно произнес он. – Скорее, в... решении.

– Что мне решить?

– Не тебе – мне. А говорить о моей матери особенно нечего, – добавил он. – Она подбивает меня выполнить работенку, о которой я тебе говорил. Я пока сделал вид, что согласен.

– Ты же это не всерьез? – спросил Нико и, видя, что Гидеон не торопится отвечать, нахмурился. – Ты же не выполнишь эту работу, так?

– Ну...

– Гидеон, – простонал Нико, вкладывая в эти короткие три слога все свое разочарование.

– Это сильно отличается от того, чего она требовала прежде. Ничего красть не надо. И не надо никому ничего подбрасывать. Всё иначе.

– Что тебе вообще известно об этой... ну, знаешь... работенке? Мы ведь оба понимаем, что мать тебе не все рассказывает, – поспешил напомнить Нико.

– Верно. Я, если честно, сомневаюсь. – Гидеон, слава богу, и правда не выглядел полным решимости. – Хотя... это задание не похоже на дурной поступок. Надо вызволить кое-кого из ловушки его же сознания. Вряд ли этот тип вошел в нее добровольно.

– Так тебе Эйлиф сказала. То есть это необязательно правда.

– Ну да, верно, знаю. Конечно. Просто... – Гидеон осекся, – мне... интересно.

О нет.

– Гидеон.

– Для начала я найду Либби...

– Гидеон, сомневаюсь...

– Я обещал тебе найти ее, и я ее найду, это для меня важнейшая задача, но раз уж ты все равно остаешься заперт в стенах своего Общества...

– Да иди ты, – в сердцах выругался Нико, разозлившись на себя. Кажется, нет, абсолютно точно он сам во всем виноват. – Мы с тобой оба знаем, что как со мной, так и без меня ты со скуки маешься. – А вот это неправда, потому что в компании Нико скучать не приходилось. Он и сам это знал, и взгляд Гидеона доказывал то же самое. – О, ясно, – поцокал языком Нико, и ему сделалось дурно от чувства вины. – Все наказываешь меня за уход? За то, что в кои-то веки утаил от тебя секретик, я прав?

– А ты меня не наказываешь? – отозвался Гидеон. – Это ты носишься со мной как с каким-то яйцом Фаберже. Я не разобьюсь только потому, что ты не рядом и не трясешься надо мной.

Они опасно близко подошли к тому, что Нико назвал бы умеренным разногласием, а Макс – ссорой любовников.

⁸ Мне жаль (*фр.*).

– Я пришел сюда, – в полном отчаянии сказал Нико, – чтобы спасти тебя.

Гидеон устремил на него бесстрастный взгляд.

– Вот как?

Этим намеком на то, что цели могли быть иные, Гидеон вызвал у Нико короткий, но острый приступ гнева.

– Да...

– Славно, – сказал Гидеон в своей обычной раздражающей манере отступать в предчувствии конфликта. – Славно. И если так...

Нико вытаращился на него, раскрыв рот.

– «Если»?

– ...То какой мне смысл быть осторожным, если тебя даже нет рядом? – отрезал Гидеон.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

Потом Гидеон с усилием виновато сглотнул.

Не то чтобы он был виноват. Нико встряхнулся; ему хотелось быть лучше, стать менее похожим... на себя и больше – на Гидеона.

– Если ты так внимания требуешь, – с трудом проговорил он, – то я тебя возненавижу за то, что ты украл мою фишку.

Напряжение рассеялось, и Гидеон чуть устало ссутулился. А может, он лишь прикидывался изможденным, кто его знает.

– Даю тебе слово, – со вздохом произнес Гидеон, – что мне не причинят вреда, не убьют и не покалечат.

– Психологические травмы тоже считаются, – предупредил Нико. – Как раз их потом хрен залечишь.

– *Te odio*. – «Ненавижу тебя» (с теплотой в голосе).

– *Con razón*. – «Согласен». – *Moi aussi*⁹.

Они снова посмотрели друг на друга, уже не столь воинственно, но с легкой грустью, которая появляется от упущенных возможностей.

«Это мы уже проходили, – сказал себе Нико. – И пройдем еще не раз».

– Дам знать, когда доберусь до Либби, – пообещал Гидеон.

– Без повода тоже заглядывай, – напомнил Нико, ощущая в груди тяжесть потери.

– Отдохни, Ники, – сочувственно ответил Гидеон и щелкнул пальцами, заставив Нико резко проснуться у себя в постели.

Он поспешил схватиться за телефон, на миг ослеп в темноте от чересчур яркой подсветки и так быстро застрочил ответ, что два раза опечатался.

«Как у тебя дела?»

Через несколько секунд телефон завибрировал.

«Как всегда, Николас, все хорошо».

Нико опустил мобильник и закрыл глаза.

Сердце еще долго не могло утихомириться. В последнее время Нико истощал некий важный для жизни ресурс. Успокаивался дольше, просыпался не сразу. Даже бой в симуляции потребовал от него куда больше физических сил, чем обычно; это плохо для его магии и еще хуже – для разума. Чувствуя странную ломоту в теле, Нико до хруста сжал кулак.

Интересно, заметно ли это остальным или, может, они сами ощущают такую же... слабость? Нико прежде не испытывал подобного и никогда не рассчитывал испытать. Некоторое время он думал, что Тристан заметил это или что с Тристаном происходит нечто похожее. Как будто пропажа, похищение Либби неким образом ослабляло их обоих изнутри. Немного поразному, но ослабляло.

⁹ Я тоже (*фр.*).

Впрочем, Тристан и в лучшие-то времена вел себя по-скотски, так что Нико не сильно парился. Он повернулся на бок и, глядя в голую стену, стал ждать, когда пульс вернется в норму.

Он уже почти заснул снова, но тут в дверь постучали – четко, твердо, решительно. Нико подумал, а не проигнорировать ли стук и не вернуться ли к почти поглотившему его сну, но потом со стоном встал с кровати. В лодыжках щелкнуло, а где-то в пояснице непривычно защемило.

Он открыл дверь, уже собираясь сказать Рэйне: мол, вопреки распространенному мнению шесть утра – не лучшее время для спарринга, так что, может, ей зайти позже? Пусть хоть солнце для начала встанет...

Но это оказалась вовсе не Рэйна.

– Помоги мне умереть, – попросил Тристан Кейн, увидеть которого Нико совсем не ожидал.

В этот момент он решил, что на сегодня со сном покончено.

Рэйна

Когда Рэйна зашла в читальный зал запросить из архива одну рукопись, она застала там Парису. Чем та занималась, было непонятно, так как книг у нее в руках не было. Она просто стояла посреди комнаты, созерцая трубы пневматической почты.

– За привычку взяла? – спросила Рэйна.

Париса недовольно обернулась. Видимо, пялиться в пустоту для нее было очень важным занятием. Она одарила Рэйну колючим взглядом и лишь потом снизошла до ответа:

– Что взяла за привычку?

– Это. – Рэйна указала на нее, на пустые трубы. – Бездействие. С ума сходишь?

– Да, – закатив глаза, ответила Париса, – впадаю в безумие, спасибо. А ты?

– Делаю успехи.

Париса хмыкнула, и в следующий момент возникло напряжение. Было омерзительно осознать, что они едва не заговорили по душам.

– Вряд ли зализываешь раны после ритуала, – быстро заметила Рэйна, пока никто по ошибке не принял их за подруг.

– Раны? – эхом повторила Париса, и напряжение, как нарочно, вернулось. – Это ты избегаешь Нико.

– Я его не избегаю.

– Вот как? – Париса выгнула бровь. – Ты просто вдруг... нашла себе уйму занятий?

– А ты нет? – парировала Рэйна, вспомнив, что за последние сутки Парису где-то только не видели. – Я бы предположила, что ты дорабатываешь тему самостоятельного проекта, но, видимо, это что-то... – Рэйна добавила чуточку равнодушия, словно вишенку на пломбир апатии, – для самостоятельного изучения.

– Ха-ха, – ответила Париса, отбрасывая за плечо гриву черных волос, чем выдала растущее раздражение. – Ты ведь понимаешь, что так меня не пронять? Я слышала вещи еще неприятнее от более близких людей, – пробормотала она, сердито глядя на Рэйну.

– Я и не пыталась тебя задеть, – пожала плечами та. – Просто указываю на очевидное.

– Как и я. – Париса скрестила руки на груди и с раздраженным вздохом обернулась к Рэйне: – Знаешь, он ведь недостоин твоей ненависти.

– Кто?

– Кто-кто... Варона. – Париса пожала плечами. – Учитывая качества обитателей этого дома, ты могла появиться в проекциях в еще худшем виде.

– Я не ненавижу его. Я к нему вообще ничего не испытываю.

– М-м-м, – поджала губы Париса, – если бы только это было правдой.

Париса уже хотела уйти, оставив за собой последнее слово, но Рэйна, уставшая от ее побед, спросила:

– Почему ты ничего не делала?

Париса резко остановилась.

– Во время ритуала посвящения, – пояснила Рэйна, – когда тебя поставили в пару с Тристаном.

По всем прикидкам, именно Париса в столкновении с проекцией Тристана должна была одержать легкую победу. Рэйна не считала Парису милосердной, но та по какой-то причине и пальцем не пошевелила, чтобы защититься. Такой разрыв шаблона беспокоил, однако Рэйна скрывала тревогу, декламируя про себя Гомера.

– Поставили в пару, говоришь? – весело повторила Париса. – Так ты называешь то, что проделала со мной? Парная работа?

– Нет, я... – Сраный английский. – Когда ты сошлась с ним в поединке. Сражалась или как это еще назвать...

Ухмылка на идеальных губах Парисы сделалась заметнее.

– Так ты, значит, со мной сражалась? Какая невероятная печаль.

Рэйна пожалела, что вообще открыла рот.

– Забудь. Я просто...

– Ну уж нет, ты говори, – чуть не смеясь, перебила Париса. – Ты беспокоилась обо мне, Рэйна? Как это очаровательно. Вот уж не ждала от тебя.

– Нет же, я просто... – А, ладно, к черту. – Тебе надо было его отделать, – сказала Рэйна, и Париса удивленно моргнула. – Нас ведь не случайно разбили на пары именно так, а не иначе? Поставили с теми, кого мы должны были уничтожить, но не стали.

– Ты так это поняла? – неожиданно задумчиво и даже искренне, без насмешки произнесла Париса. К вящей злости Рэйны, это лишь подчеркнуло ее красоту или еще что-то, из-за чего ее лицо было таким привлекательным. – Интересно.

– Ну... – Рэйна осеклась, – как еще это понимать? Нико должен был побить меня, я должна была...

– Переспать со мной? – подсказала Париса.

– Посильнее пырнуть тебя ножом, – пробормотала Рэйна, к большой радости Парисы. – Тристан должен был убить Роудс, Каллум... – Хотя это была аномалия, в которой никто так и не разобрался. – В общем, что бы там ни было с Каллумом, ты...

– Интересно, – повторила Париса, взглянув Рэйне за спину, а потом снова на архивы. Она говорила всерьез: доводы Рэйны и правда были ей интересны, и это... несколько обезоруживало.

– Почему? – нахмурилась Рэйна. – А в чем, по-твоему, цель такой разбивки на пары?

– О, мне до этого нет дела, – отмахнулась Париса. – По-моему, все происходило совершенно случайно.

– Случайно? – ошеломленно переспросила Рэйна.

Париса пожала плечами:

– Почему нет? Ты ведь не стала относиться ко мне как-то особенно, выделять на фоне остальных? – Рэйна моргнула, гадая, не ловушка ли это, но Париса, к ее облегчению, утратила к теме интерес и добавила: – Я вот к Тристану отношусь по-прежнему.

Это казалось в корне неверным, но, признав этот факт, Рэйна проиграла бы в ином споре.

– Тогда в чем, по-твоему, смысл такой расстановки?

– Похоже на вопрос в духе Каллума, – заметила Париса, обратив на Рэйну равнодушный взгляд. – Мне все равно, кто или что разбили нас на пары именно в таком порядке. Я просто в этом участвовать не хотела, независимо от замысла.

Что-то в ее ответе было не так.

– Кто или что? – нахмурившись, повторила Рэйна. – В каком смысле?

Париса стрельнула взглядом куда-то в сторону. Из глубины сознания Рэйны всплыла какая-то мысль: ничего конкретного, просто какая-то мелочь про архивы... И Рэйна невольно стиснула зубы, как если бы снова наблюдала проекцию Нико.

Может, Париса пыталась вынуть из ее головы мысли о... самих архивах? Рэйна снова стрельнула взглядом в сторону труб пневматической почты. Они были пусты, но Париса чего-то ждала.

– Ни в каком, – сказала она наконец и отвернулась. – Не понимай буквально.

– А вот и нет, – испытывав внезапный приступ злости, сказала Рэйна. – Что ты имела в виду этим «что»? Это не Атлас и не Далтон?

– Нет, конечно, – ровным голосом ответила Париса.

– Тогда зачем...

В этот момент позади них кто-то негромко покашлял. Обе девушки обернулись к дверям читального зала: Рэйна – испуганно, Париса – без удивления.

– Мисс Камали? – произнес Атлас. – Найдется минутка?

Непривычно было видеть его в неформальной одежде: на смену безупречному костюму пришли мятые слаксы и рубашка свободного кроя. Еще больше поразила Рэйну пара лоферов, похожих скорее на тапочки. Кружка в руке говорила о том, что чай Атлас перехватил на бегу. Пораженная переменой, Рэйна даже решила поначалу, что была права, заподозрив Атласа в сокрытии некой тайны, однако тут же поспешила отменить эту мысль.

– Конечно, – ответила Париса, бросив на Рэйну раздраженный взгляд, словно это она призвала сюда Атласа. – Так и есть, – бросила Париса через плечо, плавной походкой проходя мимо Рэйны к двери.

Атлас посторонился, выпуская ее в коридор, а потом, перед уходом, обратился к Рэйне:

– Приятных вам исследований, мисс Мори, – пожелал он обычным тоном гостеприимного хозяина, словно не был: а) облачен в пижаму, а следовательно, б) в состоянии ментального расстройства. – Все хорошо.

– Ободрили, – сухо ответила Рэйна.

Впрочем, Атлас легко парировал ее заряженный недоверием выпад, выдав нечто вроде усмешки:

– У меня выходной, – сказал он, чопорно кивнул и удалился в коридор.

Рэйна проводила его взглядом, испытал мимолетное сожаление по поводу отсутствия в читальном зале растений: странно было ощущать себя единственным свидетелем невероятно странного разговора. Правда, утешений от папоротника в раскрашенной комнате она тогда тоже не дождалась.

Рэйна встряхнулась и передала запрос архивам.

Она тщательно составила список необходимой литературы. Взялась за истории о сотворении мира, происхождении человека согласно древним (вписать нужную) цивилизациям и всякое такое. Начала с очевидного, с классики: греко-римской и, разумеется, египетской мифологии, Ветхого Завета, даосских легенд – и постепенно углубилась в прошлое, возвращаясь к колыбели человечества – шумерским мифам и древним эпосам.

Рэйна считала, что так, по-своему, исследует космологию. «Вначале была одна лишь тьма» и все такое, без элемента Нико – Либби, из-за которого все казалось таким математически не постижимым. Рэйна хотела понять жизнь со своей, натуралистической, точки зрения, исходя из того, что жизнь – это форма энергии, некое внутреннее пламя, а не великая и загадочная, продуманная конструкция из молекул и пустот между ними.

Даже после ритуала посвящения никто из класса так и не пришел к четким выводам по поводу Вивианы Абсалон, смертной медитки, вскрытие которой показало, что в свои сорок пять она имела внутренние органы двадцатипятилетней женщины, а значит, обладала даром долголетия сродни медитскому. Послужив объектом в исследованиях смерти, Вивиана Абсалон так и не позволила сделать хоть сколько-нибудь внятных заключений, оставив класс гадать: жила бы она дальше, если бы не вмешалась судьба? Подводка Далтона к этой теме: мол, безвременная кончина медита с даром долголетия – это предсказуемый или же предопределенный исход – заставила Рэйну задуматься кое о чем. Правда, идея еще толком не оформилась у нее в голове.

По предположению Далтона получалось, что или вселенная не лишена своеобразной иронии, или катастрофу можно заслужить. Это казалось ей мелким и в конечном счете смертным взглядом (в том смысле, что он когда-то изживет себя). Был в такой концепции и элемент эгоизма – идея великого плана, в котором нет песчинок или наборов из миллиардов атомов, но есть незаменимые и наделенные предназначением создания.

(Рэйна считала все это чушью. И если бы существовал бог – то есть Бог, – она бы уважала его еще меньше за то, что у него нашлось время, желание и возможность так подгадить лично ей.)

В конце концов рассуждения о долголети и смерти дали Рэйне ровно то же, к чему она пришла в паре с Нико: непроверенную и недооформленную идею о том, что жизнь – это нечто, создаваемое спонтанно и точно так же, в случайном порядке, уничтожаемое. (До эксперимента с Нико Рэйна размышляла слегка иначе: жизнь Вивианы Абсалон оборвалась не из-за какого-то врожденного магического механизма; просто она жила, а в жизни происходят несчастья.) Однако если жизнь – не случайность, тому должно быть свидетельство, ведь люди – в первую очередь превосходные наблюдатели и хронисты; из этого подозрения и родился интерес к мифам о творении. Вселенная предшествовала человечеству, все верно, но когда жизнь стала значить именно то, что значит сейчас? Возможно, кто-то видел, как зачинался их мир, и если процесс имел хоть какой-то намек на порядок, то его можно распознать, докопавшись до самых-самых корней.

Доставили книги, рассортированные по порядку: «Гильгамеш и Подземный мир»¹⁰, «Энума элиш»¹¹, миф об Адапе¹², – которые объединяла одна тема – как людям в награду за величие боги даровали бессмертие. (Читай: общевидовой страх перед неизвестным, бездной за гранью смерти.) Упоминалась и идея преемственности у богов, поколений старых и новых небожителей. Этот аспект интриговал особенно. Расцвет антропоцена говорил о том, что геотехнология – это новая сверхъестественная сила, что человек оставляет неизгладимый след без вмешательства свыше. (Ели только кто-то не забыл упомянуть, как дождь из золотых монет осеменит мать Джеймса Уэссекса.)

Рэйна бережно перебрала рукописи, шурша воцеленными обертками. До конца стопки она добралась неожиданно быстро и уже пыталась вспомнить, что забыла включить в список, когда из трубы вылетел еще один лист пергамента:

Некоторые запросы отклонены.

Рэйна удивленно моргнула, вертя квиток в руке в надежде увидеть перечень запретной литературы. Уточнений не последовало, а список запрошенного не вернули. Так в чем библиотека ей отказала? Рэйна готова была поклясться, что все ее запросы, в принципе, не выходили за пределы одной мифологической категории. К тому же она прошла посвящение. Что от нее могли сейчас утаивать?

– О, привет, – произнес за спиной Нико, заглядывая ей через плечо. Рэйна даже коротко шикнула от неожиданности. – Прости, – извинился он, словно искренне не понимая, что может быть не так. – Снова ограбила караван?

– Что? – моргнула Рэйна, и Нико красноречиво посмотрел на стопку книг. – А... да, ты прав.

– Вот это кирпич, – заметил он, указывая на «Гильгамеша». – Хотя короткий рассказ эпосом не назовут, да?

Казалось, он отчаянно пытался рассмешить Рэйну. Видимо, хотел загладить вину, что выглядело логично. В мире Нико нет необходимости прямо признавать ошибки; хватит самодовольно улыбнуться, сверкнув ямочками на щеках, и изящно откинуть с глаз непослушную челку.

¹⁰ Одна из песен о шумерском правителе Гильгамеше: своими подвигами он стяжал славу великого царя и героя, но бессмертия так и не получил, однако после упокоения стал управителем подземного мира.

¹¹ Вавилонский миф о сотворении мира, борьбе новых богов с первобытным хаосом (в лице богини Тиамат и ее чудовищ) и возвышении молодых небожителей (бога Мардука) над предыдущим поколением.

¹² Адапа – герой шумеро-аккадских эпосов, первый человек и сын бога мудрости Эйи. Был живым принят на небесах, но отказался от бессмертия, за что был изгнан обратно на землю.

– Зачем пришел? – спросила Рэйна. Потакание очередному капризу Нико де Вароны в данный момент казалось ей невыносимой потерей достоинства. (Не то чтобы Рэйна злилась. Проекция на церемонии посвящения не имела ничего общего с правдой, так зачем тратить время и вообще думать об этом?)

– Ну, э-э... типа длинная история, – ответил Нико. – Что тебе известно про Шопенгауэра?

– Немецкий философ? – В философии Рэйна, разумеется, разбиралась плохо, потому что по ряду причин считала ее пустой тратой времени. Неужели Нико сам не догадался? А еще Рэйна предложила ему изучить для самостоятельного проекта эволюционную биологию, но, видимо, он и не думал последовать совету. – Он не из тех, кто говорит, будто смысл жизни в страданиях?

– Правда? Здорово, – весело отозвался Нико, заполняя форму запроса и скармливая ее архивам. – Уже не терпится прочитать.

– Это из-за... ну, ты знаешь. Твоего друга? – спросила Рэйна.

– О боже, нет. Нет, ни разу. – Нико скорчил гримасу, потом достал из воздуха яблоко и надкусил его. Хруст эхом отразился от высокого потолка читального зала и пошел гулять по его недрам. Рэйна напряженно ждала. – Скажи я честно, ты все равно не поверишь, – закатив глаза, добавил Нико.

– А, конечно. – «Отлично, – подумала Рэйна, – продуктивный разговор, ничего не скажешь». – Ладно, мне, пожалуй, пора ... – Она махнула рукой за спину, показывая, что собирается уходить, но, прежде чем Рэйна успела ускользнуть, Нико обернулся, и воздух между ними немного завибрировал, что было для Нико обычным делом.

– Эй, а какие тебе книги они не дали? – спросил он, не удержавшись. Потом еще раз неприлично оглушительно громко надкусил яблоко и, жуя, проговорил: – Я думал, такого больше не будет.

Вот и она так думала, хотя в голове это все же не укладывалось.

– Они? – эхом повторила Рэйна.

– Они, оно или еще что-то. Один хрен. – Нико указал на трубы и пошевелил пальцами. – Божественная система доставки и ее маленькие эльфы.

– А, – протянула Рэйна. Нико снова дурачится. И все же размышление о таинственных силах снова вызвало из глубин разума некую мысль, похожую на обрывок полузабытого сна. Казалось, еще немножечко – и Рэйна вспомнит... – Так, ничего важного, – сказала она. – Просто мифы о сотворении мира, для проекта.

– И всё? – спросил Нико, и Рэйна неопределенно пожала плечами. – И тебе их не дали? Странно. Думаешь, бояться, что ты каким-нибудь богом заделаешься?

– Ха, – подыграла Рэйна и отвернулась. – Короче, пора мне...

– А, да, точняк. – Нико отсалютовал ей. – Наслаждайся. Потом в саду поспаррингуем?

Оу...

– Может быть. – Если она не придумает, как отмазаться. – Работы полно...

– Да-да, понял. Ну, если получится... – Архивы выдали Нико заказ: именно такой толстый том в переплете, какие он ненавидит. Если бы Рэйна была чуть менее встревожена, то непременно посмеялась бы при виде сокрушенной физиономии Нико. – До встречи.

Рэйна планировала почитать в читальном зале, но теперь, прихватив стопку рукописей, в некоем подобии траурного настроения двинулась в сторону раскрашенной комнаты. Главное – чтобы и там никого не оказалось, а иначе день потерян, придется улечься в кровать и трескать леденцы. Надо бы полить филодендроны. Снаружи стояла жара, и кизил тянулся к солнцу. «Мама! Сюда! Мама, смотри-смотри-смотри, благослови нас своим добрым взглядом. Мама, одари нас, мама, ау-у-у...»

Рэйна встала как вкопанная, как раз когда проходила мимо запертой двери в кабинет Атласа. Разум наконец уступил и выдал ответ.

Париса сказала «что». Так, словно результат инициации определяли не люди, а нечто иное.

Нико сказал «они не дали» про архивы.

Далтон, обсуждая Вивиану Абсалон, говорил о магии как о самостоятельном божестве.

Атлас говорил о требованиях для инициации как о жертве на алтарь знания, знания, наделенного разумом, разумом, которым, бесспорно, обладает дом.

Но, возможно, магия или библиотека не так уж и разумны.

Рэйна сама не видела, куда несут ее ноги, пока не оказалась на пороге обеденного зала. Она ждала на входе, пока Каллум наконец не обратил на нее мимолетный равнодушный взгляд из угла.

Он стоял у бара и смешивал себе коктейль. В девять утра.

– Не одобряешь, понимаю, – сказал он, не поднимая глаз и наливая побольше, как бы в ответ на ее молчание. – И еще: мне все равно.

– Скажи-ка кое-что, – обратилась к нему Рэйна. – Твой обряд посвящения...

– Да, я все просрал, это смотрелось жалко, точка, – сказал Каллум.

– Нет, – перебила его Рэйна, и Каллум замер, едва пригубив напиток. – То есть да, но я не о том... – Она сглотнула. – Ты кое-что сказал. Тот, другой ты. Будто ты все о нас знаешь.

Каллум бросил на нее косой взгляд и вернулся к напитку, который цедил, казалось, вечность.

– Да, – произнес он наконец.

– Да? – эхом откликнулась Рэйна.

– Да.

– Может, объяснишь?

– Ладно. – Он налил себе еще любимого мутноватого скотча. – Пьешь?

– Нет, – покачала головой Рэйна.

– Сейчас – да. Сделай милость.

– Ты же мог повлиять на меня, – напомнила Рэйна.

Каллум взглянул на нее через плечо и налил второй стакан.

– Послушай. – Он заткнул бутылку пробкой и подошел к Рэйне, небрежно поставив перед ней второй стакан на стол. – Мне насрать, что там с вами происходит. Если ты испытываешь некое моральное обязательство типа тех, что были характерны Роудс, раскрыть, что там именно архивы мне показали, то ладно. Мне по фигу. Мне так-то некогда заверять вас в своих намере...

– Так это были архивы, – кивнув, перебила Рэйна. – Это они дали тебе информацию о нас?

Каллум кивнул, поднимая стакан.

– Тост, – предложил он. – За сраную бессмысленность жизни.

На вкус Рэйны, получилось слишком уж драматично.

– Я просто хотела спросить...

– Пей, – оборвал ее Каллум, а когда она открыла рот, он повторил: – Пе-е-ей. – И Рэйна заподозрила, что он уже не первый раз за сегодня отказывает себе в воздержании. Она поднесла стакан к губам и закашлялась, едва пары спирта ударили в горло. Подождала, пока Каллум сам допьет.

– Ну ладно, – произнес он, хватив по столу пустым стаканом. – Даю полминуты. Какого тебе хрена надо?

– Ты можешь влиять на архивы?

– Нет, – горько ответил Каллум. – Библиотека, конечно, наделена разумом, но там такие масштабы...

– Тогда используй меня, – попросила Рэйна.

Каллум недоуменно моргнул.

– Используй мою магию, – пояснила Рэйна, – и заставь архивы выдать нужные мне книги. Каллум так и уставился на нее.

– Кажется, полминуты истекли, – напомнила Рэйна. – Мне, если честно, хватило за глаза, поэтому...

– погоди, – остановил ее Каллум, когда она уже развернулась. – Постой, подожди. Ты это... всерьез или...

Разве можно так откровенно тупить? Вопрос-то проще простого, ей столько надо интересных книжек прочесть, а он тут нейроны мнет.

«Вот, – думала Рэйна, – вот почему она не употребляет алкоголь».

– Протрезвей, – бросила она через плечо провожавшему ее пустым взглядом Каллуму. – Будешь готов – приходи.

Тристан

– Помоги мне умереть, – сказал Тристан Нико, решив, что нашел ответ.

Решение на самом деле оказалось простым, а свой путь к нему Тристан начал еще во время ритуала. В тот момент, когда Либби – не настоящая, конечно же, хотя и с нее наверняка стало бы – приготовилась убить его, ему внезапно удалось воспользоваться магией, которая в обычное время давалась ему лишь после невыносимо долгого смотрения в пустоту и полного разотождествления с собой. То есть тяжело. Это требовало прямо колоссальных трудов, бесило, отнимало драгоценное время.

Но вот когда Либби уже почти убила Тристана, он посмотрел на ситуацию под другим углом и внезапно увидел все, а точнее, кое-что одно. Магию, что скрепляла симуляцию. Он разглядел ее течение, прямо как тогда, когда нашел анимацию Либби – опять-таки не настоящей, а второй, фальшивой, Либби... Так и запутаться недолго, столько подделок: поди запомни и устрой их в памяти. Картина вроде бы логичная, но вместе с тем нездоровая. Так вот, мертвая Либби на полу комнаты. Моргнул один раз – и это Либби Роудс! Мертвая! Какой ужас! Моргнул другой – и это уже потоки энергии, перетекающие невидимыми руслами в своем порядке.

В раскрашенной комнате, когда Тристан познал на себе гнев Либби и приготовился умереть, картинка у него перед глазами вновь распалась частичками калейдоскопа, обострив его прочие чувства. Он ощутил на вкус нависшую над ним угрозу, и это даровало ясность, избавило от обычной тормозности. В тепличных условиях, когда ему ничто не грозило, Тристан мыслил мелко, его заботили только мнение отца да вопросы о том, будет ли душа жить после смерти. Нет, трюк состоял в том, чтобы очистить разум или вовсе его вырубить.

Очнувшись после симуляции, первым делом Тристан увидел, как на него смотрит Атлас Блэйкли. И вряд ли это изменение позы Хранителя было простым совпадением.

Отсюда и эта просьба: «Помоги мне умереть», – которую Нико воспринял без особого энтузиазма.

– Какого, – спросил он, – хрена вообще?..

– Понимаю.

– Я знал, что ты мазохист, но это даже для тебя перебор.

– Точно, – дружелюбно согласился Тристан. – Но я бы не просил, если бы не думал, что это сработает с точки зрения магии.

– А отчего сразу я? – спросил Нико. Справедливый вопрос, которым Тристан и сам несколько раз успел задаться в тот короткий промежуток времени между стуком в дверь Нико и ее открытием.

– Потому что я, к несчастью для всех нас, слишком сильно себя люблю и не хочу умирать по-настоящему...

– О, – моргнул Нико, – это отличные новости, честно...

– ...А значит, сделать это сам я не могу, – кисло продолжил Тристан. – И раз уж ты единственный обладаешь магическим даром необходимой мне силы, то только к тебе я и могу обратиться.

Другие очевидные доводы он оставил за скобками: к Каллуму он пойти не мог, Париса подняла бы его на смех, а Рэйну вообще нельзя было оторвать от книжек. Да и потом, Тристан подозревал, что она конченый психопат. Был бы кто другой, он пошел бы к нему, однако такого человека не оказалось поблизости, и вот Тристан просит Нико. Впрочем, он и в этом решении сомневался, хотя ответ казался простым, настолько простым, что на один момент, поддавшись импульсу, Тристан забыл обо всем – например, о неприязни к парню, стоящему сейчас перед ним без рубашки.

Нико не то задумчиво, не то подозрительно прикусил щеку изнутри.

– А если я не захочу тебе помогать?

Тристан чуть было не выпалил: «Тогда ты бесполезен, как я и думал», – но вместо этого пожал плечами.

– Жаль. Не конец света, конечно. Просто неудобно.

Он уже развернулся, потратив и так больше времени, чем собирался, но тут Нико страдальчески вздохнул.

– Ладно, – произнес он, – выкладывай, что у тебя.

– Шопенгауэровская воля к жизни.

– Так, а если подобрать слова попроще? – попросил Нико, скрестив руки на груди. Беззастенчиво сверкать голым торсом для него было делом обычным, но сейчас он как будто впервые постеснялся этой своей наготы. – Или хотя бы добавить чуть больше слов.

Кожа Нико поблескивала испариной, что Тристану внезапно показалось ненормальным. Поразмыслив над этим краткий миг (людям, в конце концов, свойственно потеть), он вспомнил, что ни разу не видел, как Нико и Либби регулируют температуру своего тела. Тогда как остальные приспосабливались к смене погоды, вели себя или одевались иначе, Нико ее частенько вообще игнорировал. Состояние Либби, которая – в основном из соображений эстетики – обожала вязаные вещи, физически менялось только после объемных магических действий; это напряжение в ней Тристан (к добру или к худу) ощущал четко.

– Что-то ты потный, – заметил Тристан, о чем тут же пожалел, потому что Нико насмешливо скривился.

Как там Атлас однажды назвал Тристана: гением? Ну-ну...

– В глаза смотри, – приказал Нико таким тоном, который вызвал у Тристана раздражение, на что у него, однако, не было времени.

– Да я просто... Проехали, – зло ответил он. Особых причин сердиться не было, просто хотелось поскорее сообщить, как он воспринимает это сотрудничество, пока никто из них не передумал. – Воля к жизни, по Шопенгауэру, подразумевает, что в нас есть нечто врожденное, типа инстинкта самосохранения, который пробуждается в моменты смертельной опасности.

– Лады. – Нико нахмурился и прислонился плечом к дверному косяку. – Значит, думаешь, что войдешь в какое-то особое состояние, если тебе будет грозить неминуемая гибель?

– Не думаю – знаю. – Тристан совсем недавно пережил такой переход, и если только он в корне не ошибся, то заметил это и Атлас. Впрочем, его молчание только подтверждало подозрения Тристана. – Мне только надо как-то ускорить процесс.

– Какой еще процесс?

– Открытия... этого... чего-то. Не знаю. – Беседа быстро теряла обороты. – Во мне что-то есть, – раздраженно сказал Тристан. – Какая-то непонятная мне способность. Но использовать ее я могу, только если здорово...

– Припечет?

– Именно. – Ну вот, похоже, наконец они подумали об одном и том же: представили мертвое тело Либби Роудс на полу ее спальни, ведь именно в тот момент оба разглядели в ее исчезновении нечто, чего, кроме них, больше никто не понял. – Я уже пользовался этим несколько раз, – добавил Тристан. – Мне кажется... я могу входить в некое измененное состояние. Начинаю видеть реальность иначе. Вот только... – Он осекся, не договорив.

Нико ждал.

– Вот только быстро у меня этот переход не получается, – проворчал наконец Тристан. – Если только на кону не стоит мое выживание. А раз уж тебе случилось разок окочуриться...

– Что-что, прости? – оборвал Нико, и Тристан запоздало сообразил, что досье на остальных, которым поделился Каллум, – сведения архивов, раскрывшие, как однажды, в момент невероятного напряжения сил, магия помогла Нико де Вароне воскреснуть из мертвых, – разглашению, строго говоря, не подлежит.

– Извини, я оговорился. Просто... – Отлично. Сначала на пот внимание обратил, теперь двух слов связать не может. – Суть в том, что ты регулярно и часто совершаешь глупости, – хмуρο закончил Тристан.

– А, ну да, конечно, – насупился Нико. – Только я обычно не пытаюсь убить людей.

– Молодец, конечно. – Это ядовитое замечание вырвалось само собой. – Но ты наверняка заметил, что и мои попытки склонны оканчиваться неудачей.

Видимо, Нико осознал ошибку:

– Я не то хотел сказать...

– Плевать, чего ты там хотел, – перебил Тристан, солгав только наполовину. – Мне бы только начать эксперименты поскорее. Например, сейчас.

– Сейчас? – Удивление на лице Нико быстро сменилось злостью. – И что мне делать? Сгонять за дробовиком и пристрелить тебя на заднем дворе?

– Гримировать потом придется долго. Так что изволь не целиться в мою милую мордашку.

– О, теперь тебя красота заботит? Отлично. – Впрочем, Нико, похоже, прикидывал варианты. – Тогда, может, тебя... током шарахнуть? Придушить?

– И часто ты себе мою смерть представляешь?

– Уж не чаще остальных. – Нико рассеянно побарабанил пальцами по бедру. Похоже, и он успел немного остыть, хотя Тристану было все равно. – Ладно, ясно, хорошо. – Он кивнул. – Но Шопенгауэра я читану.

Тристан изо всех сил постарался не закатить глаза. Тщетно.

– Ладно.

– Еще мне надо... поразмыслить. О способах. – Говорил Нико искренне, если не сказать – с воодушевлением. – Ведь если что-то пойдет не так...

– Ты физик, – коротко напомнил Тристан. – Если что-то пойдет не так, то лучше тебе эту херню пофиксить. – Как и многое в последнее время, это прозвучало резче, чем Тристану хотелось бы.

– Если у меня не выйдет, то у тебя – и подавно, – так же завелся Нико.

Повисла напряженная тишина. Нико привалился к противоположной стороне косяка, а Тристан переступил с ноги на ногу.

– Послушай, – сказал наконец Нико, проводя рукой по непослушным волосам. Казалось, он ищет пути к примирению. – Роудс тебе доверяла. Я это знаю.

Именно поэтому Тристан к нему и пришел.

– Точно.

– И... что бы ты там ни умел... – Нико молча и оценивающе посмотрел на него, – это достойно исследования.

– Да. – Очевидно же. – Я решил, что это наверняка... – Тут Тристан осекся, опасаясь снова ляпнуть что-нибудь не то. – Я просто подумал, что смогу лучше все понять, если начать как можно скорее, – тщательно подбирая слова, произнес он.

Нико подумал еще немного.

– Ладно, – сказал он потом. – Только ты меня больше так рано не буди.

«Он еще указывать будет», – раздраженно подумал Тристан, но через секунду негодование отступило, и он решил, что просьба-то в общем справедливая. В необъятном чреве этого дома он потерял счет времени.

– Как скажешь, хорошо.

– И давай заниматься этим, когда Париса спит, – подумав, добавил Нико. – Не хватало еще, чтобы она снова прочла мои мысли и разоралась.

– Ладно. – Тоже конструктивная мысль. Париса вряд ли будет кричать на Нико, но уж точно станет насмехаться над ними обоими. При условии, что Тристан выживет. – Тогда сегодня ночью.

– Отлично. Пока. – Нико вернулся в комнату и плотно закрыл дверь, оставив Тристана у порога.

Но не успел он отправиться назад к себе, как открылась дверь справа.

– Так-так, – произнес голос, и Тристан напрягся.

Медленно обернувшись, он наткнулся на изучающий взгляд Каллума.

– Новых друзей заводишь? – спросил эмпат, прихлебывая из кружки явно не чай с ромашкой. Хотя... кто его знает. Выглядел Каллум не встревоженнее и не спокойнее обычного. Возможно, ночью он спал как младенец. Или как убитый.

– Думаю, друзей с меня хватит, – напряженно ответил Тристан.

Губы Каллума растянулись в широкой глумливой улыбке.

– Понятное дело. – Он уже хотел вернуться к себе, но в последнюю секунду обернулся. – Я... – начал было он, но осекся и пожал плечами. – Что ж, тебе стоит подумать, как со всем этим справиться, – произнес Каллум, сделав неопределенный жест рукой в сторону Тристана. – В идеале – выбрать более здоровый путь, нежели строить опасные планы на пару с гиперактивным ребенком.

Тристан испытал очередной приступ слепого гнева.

– У тебя, конечно, есть указания?

– Скорее, дружеские предложения. Например, я считаю, что йога прекрасно освежает. – Глядя Тристану прямо в глаза, Каллум поднес к губам кружку. – А вот указаний давать я бы себе не позволил.

Чудесно.

– У тебя всё?

– Вообще – да. – Каллум отвернулся. – Спокойной ночи.

– Сейчас утро.

– Только если у тебя нет воображения, – бросил через плечо Каллум и скользнул к себе в комнату.

Тристану повезло, что его ждали более срочные дела.

Он вернулся к себе, подумывая лечь спать, потом отменил эту мысль как нелепую и решил прогуляться по периметру территории. Под мышкой он нес блокнот, в котором делал заметки после ритуала. Полагалось записывать идеи для самостоятельного проекта (учебный план на второй год оказался смехотворно короток: «Каждый посвященный добавит в архив собственный большой труд, тему которого определит сам», – а дальше следовало пустое поле, которое Тристан, предполагаемый исследователь и автор, так и не смог заполнить), однако получались сплошь неразборчивые, бессмысленные схемы.

Ну, то есть не совсем бессмысленные. Кое-что принципиально важное Тристан понимал. Во-первых, он видел время, и это удалось подтвердить, если не сказать «Роудс-ифицировать». Во-вторых, Тристан видел форму магии, которую воспринимал как зернистые волны энергии. Этот вопрос стоило обсуждать с физиком, но пока Тристан не готов был обращаться к Нико с такой сложной интеллектуальной проблемой. Всему свое время. Первым делом – убийство, а уж научные изыскания – после.

Он с отвращением прыснул, усмехнувшись. Вот, значит, до чего дошло? Превратился в безрассудного и одержимого риском клоуна? Что-то в нем переменялось, и эти перемены резали глаз, как блики света на лезвии ножа. Тристан и прежде испытывал гнев, но выплеснуть его не мог, ведь злился он на нечто неосоздаваемое: на жизнь, судьбу, обстоятельства. Злился на то, кем родился, кем стал. Зато теперь – поразительные новости! – все стало куда конкретнее.

Теперь он злился на Каллума, ведь тот, по сути, угрожал убийством и смея ради прозрачно намекнул на слабость, никчемность и глупость Тристана.

И ведь был прав – именно это и злило.

Однако в этот раз гнев работал ощутимо иначе. Он был полезен. Тристан сказал себе, что не Каллуму определять его цену – вообще что-либо определять – и он, Тристан, ценен априори: умеет видеть, чувствовать, делать нечто, недоступное другим. Ему выпал шанс доказать это.

За секунды до того, как проекция Либби Роудс убила его, он придумал стратегию выхода. Увидев нависший над ним рок, сместил понимание реальности. Второй раз. Просто понял, что та реальность необъективна, ее вообще нет. Объективная реальность утверждала, будто иллюзия, при помощи которой медит скрывает дефекты внешности, должна обманывать всех. И вероятно, все видели кислотно-лазурный цвет глаз у Каллума, однако Тристану открывался совершенно обычный, человеческий оттенок голубого. Об относительности, отношении между наблюдателем и объектом говорить можно было много, но Тристану эта теория ответов не дала. Он не видел того, что называли реальностью остальные, но то, что видел, было куда полезнее. Его реальность подразумевала доступ к структуре времени и пространства, который то и дело перекрывало жизненным опытом. Лишь в мгновения, когда сознанию Тристана грозили распад или угасание, получалось от него отделиться, открыть иное зрение и увидеть высшую, более чистую правду.

Тристан встал на границе имения, за кизиловой рощей, и припомнил случай, когда ему удалось разглядеть некий иной план бытия. Встретить того человека, странника. Эзру, если он верно запомнил. Тристан прикрыл глаза и попытался выйти на тот же уровень... нирваны, что ли? Да, блядь, нирваны, если говорить вычурно. Впрочем, какая разница? В охранных чарах по периметру произошли изменения.

Тристан разочарованно открыл глаза. Чары, текстура которых прежде напоминала крупное зерно, уплотнились или же, скорее, исчезли промежутки между составными частями, сквозь которые тогда удалось проникнуть. Вакуум поглотил все окошки и пустоты, хотя, вероятно, само их наличие стало возможным благодаря непредвиденной ошибке. Кому-то удалось взломать неприступные чары, но вот их починили, а значит, Тристан больше неспособен ими манипулировать, даже в ничтожно малых масштабах.

Возможно, стоит поговорить с Парисой? Она явно заметила нечто в магии Тристана. Потому-то его фантом в ее симуляции оказался не бессилён; напротив, его фантом в ее симуляции кое-что разглядел. Волну, ток энергии. То же раньше видел он настоящий. Оказывается, Парисе и это было известно. Впрочем, беспокоило другое: не осведомленность Парисы, а ее решение не ввязываться в процесс. Она полностью отмежевалась от симуляции, где только они вдвоем точно видели, что происходит.

Возможно, не придав этому значения, она показала, что думает о Тристане?

– Эй, – прозвучало у него за спиной. Открыв глаза, Тристан увидел чернильную тьму заката.

И еще Нико де Варону.

– Я тебя обыскался, – сообщил Нико и бросил Тристану книгу, которую тот поймал на лету. Это было собрание сочинений Шопенгауэра по теме трансцендентализма.

Тристан посмотрел на книгу, потом отвел взгляд в сторону. Он уже знал о трансцендентализме все, что ему было нужно, потому у него и родилась теория.

– И?

– Идея здравая. – Нико плюхнулся на землю рядом с Тристаном. – Что будет, если я соглашусь?

– Я же говорил: ты меня убьешь, только не до конца. – Казалось бы, куда уж проще, но Тристан, похоже, перегрузил мозги Нико, и те уже отказывались работать.

– Нет, я о том, что с тобой будет за мгновение до смерти. – Нико повернулся к нему. – Мне вот эта часть непонятна. Итак, значит, что-то там произойдет... прилив адреналина какой-нибудь. А магия? – спросил он, и Тристан пожал плечами. – Что именно ты видишь?

В том-то и состоял вопрос, который Тристан задавал себе весь день и ответить на который предстояло в ходе эксперимента, потому что драгоценное время в стенах Общества истекало, и тратить целые дни было непозволительной роскошью.

Тристан устал задаваться вопросами, находиться среди тех, кто уже изведаль свои пределы или осознал их отсутствие. Он и так потратил год жизни, а в итоге ничего не понял. Ему обещали величие: однозначно дали понять, что он сам обладает великой силой. И вот остался год на то, чтобы доказать себе, что Атлас Блэйкли – да и сам Тристан, если уж на то пошло – не ошибся и он правда уникален. Не зря оказался в этом доме, в кругу величайших медитов своего поколения, а возможно, и эпохи.

– Я вижу все, – сказал Тристан. – И мне кажется, – добавил он, покашляв, – это можно использовать. Столкнувшись в симуляции с Роудс...

Чувствуя на себе взгляд Нико, он стал смотреть вперед, на медленно исчезающий во тьме горизонт.

– ...Я использовал время, – сказал Тристан, – словно вышел за пределы самого себя. Не знаю, как точно описать, – добавил он, – но это было похоже на то... как если бы я перестал быть собой, ушел от предельных начала и конца и стал сжиматься, уменьшаться снова и снова. Оказался сразу и внутри, и вне себя, и эти две ипостаси без конца сменяли друг друга. Я словно двигался сквозь другое...

– Измерение, – пробормотал Нико.

– Да, – подтвердил Тристан, глядя в пустоту ночи.

– И самое странное, – продолжил он, – что я уже такое видел. Мой отец...

Он машинально втянул воздух сквозь стиснутые зубы. На эту тему он говорить не любил, но Нико, слава богу, молчал.

– Терпением он не отличается, – произнес наконец Тристан, – и по натуре жесток. С ним то и дело случались эти... взрывы, как мы с мамой их называли. У мамы было чутье, она знала, когда отцу лучше на глаза не попадаться, как его успокоить. Но потом она умерла. – Тристан сглотнул. – Я до сих пор не знаю как. Маленький тогда еще был. Однако стоило спросить у отца, и он мне так втащил, что, богом клянусь, я звезды увидел.

Нико по-прежнему молчал, а Тристан ощутил знакомую смесь горечи и обиды от предательства, возникавших всякий раз, когда он рассказывал об отце. Их отношения имели двойственную природу: любовь шла рука об руку с гневом, а ненависть была бесплодна, изъедена и надломлена тоской.

– Я раньше боялся воды, – сказал Тристан. – Не знаю почему. Ну, то есть не самой воды, а глубины. Как-то отец взял меня за шкуру и поднял над Темзой.

Молчание.

Стоило начать, и дальше говорить стало проще:

– Как ни странно, с тех пор отец поостыл. Видимо, потому, что я вырос. Или ему просто надоело это. А может, он Бога обрел... хрен знает. Пойми меня правильно: гадом он быть не перестал, – со смехом добавил Тристан. – Гондон тот еще, кого угодно спроси. Однако свои другие стороны он хорошо скрывал. Свою тьму, необычную... Она будто овладевала им, как демон. Теперь-то отец постарел, – подождав немного, сказал Тристан. – Размяк. Голоса почти не повышает. Думает, что набрался мудрости, повидаль жизнь и все знает. И ведь он прав. Со временем он исправился. Не просто стал лучше, а обрел уважение, стал заботливей, говорит вдумчивей, поступает справедливо, – со смехом произнес Тристан. – Я даже сомневаюсь, было ли что-то вообще в прошлом. Может, я все себе придумал? Ведь если все и правда было так хреново, – добавил он, – и я в семь лет увидел, мать его, время насквозь, когда боролся за

свою жизнь, повиснув над Темзой, то это должен был видеть кто-то еще, так ведь? Кто-то еще должен был знать. Но никто не знает, так, может, мне все почудилось?

У Тристана пересохло во рту.

– Может, это был какой-то странный кошмар? Отец всегда говорил, дескать, у меня слишком богатое воображение, я не вижу вещи иначе, просто все выдумываю. Дико как-то верить ему, да? Но ведь я верил, верю ему, – сказал Тристан. – И самое хреновое – что, когда мне полагалось учиться познавать мир, вливаться в него, отец прививал к нему страх. И у него получилось – теперь я не могу ясно смотреть на вещи, пока снова не возникнет чувство, будто мне грозит смерть. И в тот момент, когда надо сказать себе: да, ладно, я согласен... в этот миг, – Тристан шумно выдохнул, – самый трудный миг, тот, которого я до прихода сюда всеми силами избегал... Так вот, в это мгновение мне надо разглядеть невозможное, невероятное, а потом найти в себе силы сказать: нет, я не упаду, не утону, не сломаюсь и...

Вздых.

– Никогда его, козла, не прощу, – сказал Тристан. – Не прощу никого, кто заставляет меня сомневаться в собственном праве на жизнь.

Несколько мгновений прошло в молчании, и Тристан сообразил, что Нико до этого нет никакого дела. У каждого свои заморочки, да и с хрена ли Нико де Вароне знать, насколько Тристану больно? Какие сомнения им владеют? Еще несколько секунд прошло в молчании, и Тристан пожалел о том, что так разоткровенничался: он бы не вынес жалости Нико, не смог смотреть ему в глаза и видеть в них сочувствие, подтверждение правоты Каллума в том, что Тристан – жертва. Если Нико скажет хоть одно доброе слово, Тристан точно даст ему по зубам.

Вот он почувствовал, как Нико готовится что-то сказать, и подобрался. Пусть только выдаст хоть слово, подумает или вздохнет виновато...

– Думаю, надо устроить тебе сердечный приступ, – безмятежно произнес Нико, – чтобы твоя симпатичная мордашка не пострадала.

Сказано это было настолько не к месту и вместе с тем подходяще, что Тристан даже подскочил.

– Ну да. – Он выдохнул, ощутив слабенький, медленный ручеек облегчения. – Да, согласен. Только не надо меня предупреждать, – добавил он, поворачиваясь к Нико, – ведь если я узнаю заранее...

Но тут ему в грудь врезался кулак Нико, и все потемнело.

Париса

Когда Атлас после нескольких недель отсутствия вот так, запросто, явился и забрал ее из читального зала, Париса не удивилась. Во время обряда посвящения Тристана маска с его лица чуть соскользнула, и он знал, что Париса это заметила. Стал бы он отрывать ее от дел, выбрав именно этот вторник, если только она не додумалась до чего-то важного?

– Мисс Камали, – произнес Атлас, нежелательные визиты которого по таким поводам становились чересчур предсказуемы. – Минутка найдется?

Чертова Рэйна. Париса бросила бы на нее злобный взгляд, да неохота напрягаться. Оставалось надеяться, что Атлас не услышал последнего вопроса Рэйны, но если услышал, то это целиком на совести самой Парисы. Она так увлеклась своими телепатическими блоками, что забыла держать язык за зубами.

Вероятно, Атлас хотел поговорить о том, как Париса изучает сознание архивов. (Когда она, по выражению Рэйны, «пялится в пустоту». Дура. Стоит только горячей девчонке, владеющей ножом, вставить кольцо в нос и добавить немного своенравия и упрямства, как вся ее привлекательность сразу испаряется.) Или же Атлас наконец решил избавиться от Парисы, хотя с каждым новым днем вероятность последнего становилась все меньше и меньше.

«Мне понадобятся свидетели?» – мысленно сухо спросила Париса.

«Мне нравятся наши короткие беседы», – ответил ей Атлас.

От Рэйны, как обычно, толку не было (она пялилась на откровенно домашний прикид Атласа), и потому Париса уступила просьбе. Атлас для приличия сначала пропустил ее вперед себя, сделав приглашающий жест, и только потом забросал обычными любезностями.

– Все хорошо, мисс Камали?

– Зависит от того, куда мы идем, – пробормотала в ответ Париса и прошупала чары в доме, проверяя, где сейчас остальные. Каллум направлялся в обеденный зал. Тристан вот уже несколько часов сидел где-то на улице. Нико, охваченный беспокойством, брел в их сторону, то есть в читальный зал, – уже лучше, если учесть, что все утро он, такой же беспокойный, провел в кровати.

Видимо, и Атлас так же сканировал чары. Он вывел Парису в сад через одну из дверей, намеренно избежав столкновения с Нико.

– Не хотелось бы объяснять, – ответил он на вопросительный взгляд Парисы, указав рукой на свое легкомысленное облачение.

Париса обвела его взглядом: мятые слаксы, тапочки.

– Решили посвятить день уходу за собой?

– Нужна ваша помощь, – сдержанно проговорил Атлас, пропуская мимо ушей ее саркастичное замечание, и вернулся в дом, когда их с Нико пути окончательно разошлись. – Вот я и не устоял перед соблазном, так торопился услышать ваше профессиональное мнение, что предпочел удобство формальности. Надеюсь, не возражаете?

– Профессиональное мнение? – выгнула бровь Париса. Она нисколько не сомневалась, что Хранителю не дает покоя какое-то обстоятельство, но не ждала, что он поделится этим с ней.

– Неужели это так неожиданно? – Атлас проводил ее к себе в кабинет в южном крыле, пропустив вперед, а после заперев за собой дверь. – Уверен, мы оба помним, как вы чудовищно хороши в своем ремесле.

Париса иронично хмыкнула.

– Если вы пытаетесь добиться моей симпатии при помощи реверсивной психологии...

– Отнюдь. При желании можете оставить свои симпатии при себе. Присаживайтесь, – предложил Атлас, указывая на кресло за рабочим столом. – Устраивайтесь поудобнее.

На его кресло? Париса обернулась в ожидании подтверждения, однако Атлас только молча пожал плечами, так и не развеяв ее сомнений.

– Мне это нисколько не нравится, – тихонько предупредила Париса и опасливо опустилась в кресло Хранителя, а затем хмуро посмотрела на Атласа, оставшегося стоять посреди комнаты. «Скажите честно, – мысленно спросила она, – зачем мы здесь?»

Лгать на уровне телепатии было трудно. Атлас при желании умел это делать, но зачем утруждаться?

«Нужна твоя помощь, – повторил он. – Никакого подвоха, честное слово».

– Ну ладно. – Говорил он, похоже, и правда искренне. – Чего вы хотите?

– В чарах присутствует брешь.

– Телепатическая? Нет, такой нет, – ответила Париса. Она бы знала.

– Нет, не телепатическая. – Атлас поскреб заросший щетиной подбородок. А дальше всё страньше и страньше¹³. Парисе всегда казалось, что Хранитель отличается неким тщеславием, ну или хотя бы профессиональным вниманием к собственной внешности.

– Тогда что за брешь? – спросила она, добавив мысленно: «Ближе к делу. Я занята».

«Допрашиваешь разумную библиотеку? Вряд ли сегодня ты получишь внятный ответ».

Он был недалек от истины. Париса пока только и уловила что волны расстройства от Рэйны (и от Нико, если она не ошиблась) да зловещее предупреждение Далтона: «Париса, знание требует крови; не принеси жертвы, ты его не обретишь», – неубедительно звучавшее у нее в голове. Вопрос: чем жертвовать на этот раз, если не надо убивать никого из своих?

«Не сегодня, так завтра», – ответила она Атласу.

Во взгляде последнего промелькнуло легкое раздражение. Впрочем, Хранитель понимал, что они зашли в тупик.

– Чары физические, – продолжил он.

Париса устремила на него прищуренный взгляд.

– Ну так берите физика. Один у вас еще остался, если что.

– Мистеру де Вароне знать об этом не положено. – Как ни крути, а заключение логичное, пусть и непонятное в данном конкретном случае. Атлас опустил в кресло напротив, в то, которое полагалось занять Парисе, если бы иерархия беседы выстроилась так, как она ожидала. – Как и всем остальным, – добавил Атлас.

Любопытно. Правда, послушно признавать это и портить себе веселье Париса не спешила.

– Далтон в курсе? – снисходительно поинтересовалась она.

– Мистер Эллери не в курсе. Он занимается исследованиями, и это не входит в сферу его компетенции.

– А в мою, по-вашему, входит?

– Лишь потому, что я не вижу иного выхода. – Вот он снова говорит искренне. Необходимость обратиться к ней удовольствия ему не доставляла, и он это даже не пытался скрыть.

– А если я кому-то проболтаюсь?

Атлас рассеянно потер костяшки кулака большим пальцем.

– Значит, проболтаетесь.

– На кону ваша карьера?

– Полагаю, да, – устало произнес Атлас.

– Вы окажетесь в долгу передо мной? – решила спросить Париса, аккуратно скрестив ноги на крышке стола.

¹³ Отсылка к сказке Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес»: «– Всё страньше и страньше! – вскричала Алиса. От изумления она совсем забыла, как нужно говорить. – Я теперь раздвигаюсь, словно подозрная труба. Прощайте, ноги!» (пер. Н. М. Демуровой).

Атлас поморщился, наблюдая за ней. «Кайф», – с улыбкой подумала Париса.

– Нет, – сказал Хранитель. – Я прошу тебя об услуге, и ты вольна отказать мне. После мы вернемся к нашим обычным ролям Хранителя и исследователя.

– А вот в жизни Далтона вы принимаете более активное участие, – вызывающе заметила Париса.

– Мисс Камали, – произнес Атлас, и в его тоне она услышала предупреждение, – так есть в чарах брешь или нет?

Париса тяжело вздохнула. Жаль, что он так быстро устал от игры. Она только начала получать удовольствие.

– Ну ладно. – Прикрыв глаза, она обратилась к разуму особняка и его чарам. Под ее воздействием они замурчали как котенок. – Что мне искать?

– Нечто шести футов в высоту.

Париса приоткрыла глаз:

– Какой формы?

– Силуэт мужчины. – Атлас подался вперед, уперев локти в колени. – Пропорции вам должны быть знакомы, – тихо добавил он, и Париса собралась было сильно оскорбиться, но потом решила расслабиться и получать удовольствие.

– Это что, шутка, мистер Блэйкли? Просто поразительно смешная. – Она снова закрыла глаза и принялась прочесывать материю чар, прося магию дома об одолжении. Назовем это «соседским дозором медитских искусств».

– Ничего, – определила она через некоторое время, – глухо.

– Вот и славно, – с большим облегчением выдохнул Атлас. – Благодарю. – Он встал. – А теперь прочь из моего кресла.

– Так вы уже все залатали? – догадалась Париса. Покидать его трон она не спешила, особенно когда в воздухе так и ощущалось сильное душевное волнение. Под напряженным взглядом Атласа она невинно добавила: – Зачем тогда я, если вы и сами все вычислили?

– Мнение привлеченного специалиста. – «Вставайте, мисс Камали, у меня много работы».

«Ну еще бы». Этот человек явно что-то недоговаривал.

– Все очень плохо, да? Некто, – сухим церемонным тоном добавила Париса, – похоже, совершил ужасную ошибку.

– Определенно, – согласился Атлас, – так и есть.

Они какое-то время молча присматривались друг к другу, пока наконец Париса, устав от этой патовой ситуации, не вздохнула и не встала.

– Забирайте, – сказала она, указывая на кресло.

– Непременно. – Атлас встал в ожидании у стола.

Как и Париса.

– Итак, вы, надо думать, слышали, о чем мы с Рэйной...

– Вы ищете подвох, – сказал Атлас, потирая висок, – или некий зловеющий подтекст. Ума не приложу зачем.

– Такая уж у меня натура, – ответила Париса. – Или же просто всем есть что скрывать и подвох присутствует везде. Кто знает.

Видя, что она не торопится уходить, Атлас присел за стол и, выведя компьютер из спящего режима, вошел в почту. Прежде Париса ни разу его не видела за компьютером, но, похоже, работа Хранителя была устроена куда прозаичнее, чем она себе представляла.

– Вы нас отслеживаете? – спросила Париса.

– Нет, – не поднимая взгляда, ответил Атлас.

– Тогда отслеживает нечто другое, так? – «Знание требует крови. Далтон это не просто так сказал».

«Не имею ни малейшего понятия, о чем вы».

– Всего доброго, мисс Камали.

– Симуляция. Церемония, ритуал... что там говорил о ней Далтон? Это, мол, не проверка? – Она отбросила напускную утонченность и встала перед ним, отбрасывая тень на стол. – Это ведь не ради нас затевалось. Мы, как вы сами и сказали, свое место здесь заслужили, и потому нет смысла выведывать слабости друг друга. – Атлас не стал возражать. – Разве что нечто иное собирало о нас сведения, наблюдало за нами. – Нечто иное... или некто.

Атлас демонстративно поставил точку в предложении и поднял на нее взгляд.

– И что же, по-вашему, это нечто иное хотело о вас знать?

– Наши привычки, – немедленно ответила Париса, – реакции.

– Чего ради? Правда считаете себя такой интересной, что все ваши действия достойны анализа?

Да, она так считала. А что важнее – он намеренно уходил от ответа.

– Значит, вот она, награда за помощь? – разочарованно вздохнула Париса.

– Да. – Атлас откинулся на спинку кресла. – Боюсь, мои запасы вечной благодарности нуждаются в пополнении.

Париса чуть было не рассмеялась, так ее поразила новая манера Атласа отвечать на вопросы. Хлесткие и быстрые фразы, которых от него обычно никто не ждал, почти позабыли ее.

– А знаете, таким вы мне больше нравитесь, – вслух сказала она. – Отсутствие секса здорово прочищает мозги.

– Я многим нравлюсь, мисс Камали. – «Иначе как, по-вашему, я занял это место?»

«Аргумент».

– Итак, – вслух сказала Париса, – выходит, всё из-за Либби Роудс? Вы меня сюда позвали, говорите, что в чарах брешь...

На этот раз он посмотрел прямо на нее. «С чего вы это взяли?»

«Произошла катастрофическая ошибка, Роудс взяла и пропала без вашего ведома, – ответила Париса. – А ко мне вас заставила бы обратиться только катастрофа».

Атлас некоторое время смотрел ей в глаза. Оба напряженно застыли, а часы на стене тем временем пробили час.

– Где она, по-вашему? – спросила Париса.

– Я не знаю.

Тон, которым Атлас ответил, показался Парисе неубедительным, и она подумала: «Но знаете, кто ее похитил».

– У меня есть догадка, – подчеркнуто уклончиво произнес Атлас. Как это утомительно.

«Отвечайте прямо», – с вызовом подумала Париса.

Атлас раздраженно поджал губы. «Да, я знаю, кто ее выкрал».

Это-то как раз очевидно. «Мужчина ростом шесть футов?»

«Да».

«Физик?»

«В некотором роде».

«И вы держите это в тайне от остальных?»

«Остальным знать необязательно».

Париса позволила себе не согласиться: «Но вы думаете, что она жива?»

«Питаю надежду».

«Вы же понимаете, что Варона не прекратит поиски. Как, возможно, и Тристан...»

«И я рассчитываю, что они ее отыщут, – подумал Атлас. – Раз сам я не в силах».

Это прозвучало убедительно, если не сказать – искренне.

«Где она, по-вашему?» – снова спросила Париса.

«Не знаю», – повторил он.

Правда, на сей раз в ином тоне. Париса не увидела четкого ответа в голове у Атласа, потому как ничего конкретного он сказать не мог. Но при этом он знал нечто, чего даже ему, Атласу Блэйкли, Хранителю Александрийского общества, маленькому человечку, знать не полагалось: произошло колоссального масштаба предательство. Попытка запечатать брешь в чарах обошлась ему очень дорого, и пострадал он не только физически: нечто внутри него навсегда изменилось, оборвалось, безвозвратно пропало.

Атлас Блэйкли что-то утратил, это Париса понимала четко. Нечто сродни цели в жизни, не сильно отличающееся от страсти, только возвышенной, более пламенной и чистой, нежели просто счастье или радость.

То, куда пропала Либби Роудс, было вопросом несущественным, его оттенял другой, гораздо крупнее, – о том, что знает Атлас. Обо всем, что он знает. Атлас был планетой, выброшенной с орбиты, утратившей ось.

Вот зачем ему потребовались Тристан или нечто, совершенное им: дабы вновь обрести статическое равновесие. Там, где Атлас оказался бессилён, на помощь пришел Тристан. И вот Атлас снова набрал силу вращения, разогнался. К Парисе он пришел, утратив нечто такое, что некогда определяло само его бытие, его самого. Уже неважно, что она знает и видит, ведь у Атласа есть Тристан. Его орбита переменилась.

Где-то посреди исполинского вихря Атласовых мыслей вертелось именно то, зачем Париса пришла. Обрывки бесед, перешептываний. Где сейчас Либби Роудс? Пропала, став жертвой грехов Атласа Блэйкли. Париса уловила кусочки мысли, обрывки воспоминаний, трепещущие, словно крылышки, торчащие нити. Тогда она ухватила за растрепанные кончики и сделала то, что умела лучше всего.

Потянула.

«...чертовы книги...»

«...умерло. Да здравствует Общество...»

«...дело сделано?...»

«...знает, как голодать...»

«...мы с тобой, давай...»

«...пременно оба нужны тебе...»

«...погибает, природа создает новую...»

«...Общество умерло...»

«...значит, ты что-то нашел? Я думал...»

«...давай создадим новый...»

«...Атлас, ты не...»

«...мы с тобой, давай возьмем дело в свои руки и...»

«...станем богами».

Париса ахнула и отпрянула. Найдя ответ, она нарушила границы. Она это знала, и Атлас знал.

– Выходит, наше краткое перемирие закончено? – как бы извиняясь, пробормотала она.

– Прощайте, мисс Камали, – явно не принимая извинений, сказал Атлас.

Зная, что он даже не взглянул ей вслед, Париса вышла из кабинета. При этом на ее губах, как ни странно, играла победная улыбка.

– Чувствую, скоро увидимся, Роудс, – сказала она в пустоту и, покачав головой, беззаботно пошла прочь по коридору.

Либби

В последнее время Либби Роудс спала так, как ей раньше не приходилось. Что с ней? Видимо, дело в окружении. Прохладные простыни и полное отсутствие дел так и шептали: приляг, отдохни в этой темной, как пещера, комнате. Или же дело в том, что бывший парень похитил ее, предал и, похоже, оставил умирать. Кто его знает.

Сон стал для Либби как доза для наркомана. При мысли о том, чтобы свернуться калачиком на кровати, зарыться под одеяло, отдаться скорби и одиночеству, она теряла волю. Переживания о своем положении отнимали столько сил, что проще было окунуться в вечную пустоту, опуститься на дно какой-нибудь бездны. Когда Либби не спала, она бродила по чудовищно блеклой комнате, украдкой разжигая крохотные огоньки, которые тут же гасли, задушенные невидимой петлей вакуума.

Либби не то чтобы сдалась.

Сон скорее помогал раскрыться некой несозревшей идее, которую бодрствующий разум не мог понять в силу того, что сейчас, как всегда, был охвачен тревогой, ударялся в сильную панику, стоило ей задуматься о побеге. Бодрствующая Либби всегда была невыносима, кого угодно спросите: Нико де Варону, Рэйну Мори, Тристана Кейна или Парису Камали. Можно и у Каллума Новы узнать, если он еще жив. И вот, оставшись наедине с собой, Либби не могла не признать: нет человека хуже ее; наедине с таким в последнюю очередь хочется остаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.